

АЛЕКС РУДИН

ТАЙНОВИДЕЦ

ТОМ 1: ПРОПАВШИЙ ДАР

18+

Тайновидец

Алекс Рудин

**Тайновидец. Том
1: Потерянный дар**

«Автор»

2025

Рудин А.

Тайновидец. Том 1: Потерянный дар / А. Рудин — «Автор»,
2025 — (Тайновидец)

Молодому графу Александру Воронцову выпал уникальный магический Путь. Он стал Тайновидцем. Теперь его призвание — магические тайны, интриги, загадки и преступления. Раскрывая их, Воронцов может развивать свой магический дар. По аристократическим законам Александр не является наследником главы рода. Он — младший внук. На его плечах не лежит ответственность за род. Зато он может наслаждаться другим сокровищем — свободой. Александр селится в старом особняке на Каменном острове. Заглядывает по утрам в кофейню, где варит кофе тысячелетний джинн. Дружит с хранителем Незримой библиотеки — древним римлянином по имени Библиус Марий Петроний. Гуляет по волшебным кварталам Столицы, где за каждым углом творится магия. Александр молод, умен и решителен. Глава рода Воронцовых прислушивается к его советам. А есть и другие влиятельные семейства. Иногда они попадают в трудные ситуации, выпутаться из которых можно только с помощью Тайновидца

© Рудин А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алекс Рудин

Тайновидец. Том 1: Потерянный дар

Глава 1

Радостный зов Севы Пожарского разбудил меня на рассвете.

– У меня получилось, Саша! Представляешь? Я смог!

Севу переполнял восторг.

Я энергично потрянул головой, прогоняя остатки сонливости.

– Сева, ты уверен?

– Конечно! Саша, у меня способность открылась. Спасибо тебе! Вот это заказ!

Способность – это не шутка. Если у артефактора открылась новая способность, значит, он и в самом деле создал волшебный предмет.

Артефакт.

– Еду, – коротко сказал я Севе. – Жди.

И вскочил с постели.

Шлепая босыми ногами по деревянному полу, побежал в кухню. Варить кофе не было времени, поэтому я залпом выпил стакан воды. Торопливо умылся, пригладил волосы.

Распахнул дверь балкона, чтобы впустить в дом свежий воздух. И замер на секунду, щурясь на ослепительные блики, которые вспыхивали за деревьями. Это утреннее солнце отражалось в невской воде.

Опомнившись, я бросился одеваться.

Белая рубашка, серый летний костюм, легкие туфли.

Вовремя вспомнив, я сунул во внутренний карман пиджака несколько бумажных листов, свернув их трубочкой. На листах были записаны ноты призыва, а больше я ничего о них не знал.

Сбежал по жалобно скрипнувшей лестнице на первый этаж и мельком взглянул в мутную глубину старинного зеркала в ореховой раме, которое висело в прихожей.

Хорош!

Хлопнув дверью, я выбежал в сад. За оградой садовник Люцерн возился возле клумбы – рыхлил слежавшуюся землю и бережно сажал в нее зеленые ростки в торфяных горшочках. Увидев меня, Люцерн едва заметно кивнул и приложил два пальца к широкополой шляпе, которую никогда не снимал.

– Новое дело, Александр Васильевич?

– Да, – радостно кивнул я.

Люцерн повел рукой над клумбой. Под его ладонью сгустилось облачко водяного пара, и на клумбу пролился дождь.

– Я присмотрю за домом, – улыбнулся Люцерн. – На старой вишне в вашем саду уже появились бутоны. Думаю, завтра она расцветет.

– Отличная новость! – улыбнулся я.

В том, что касалось растений, Люцерн никогда не ошибался. Если он сказал, что вишня расцветет завтра – значит, так оно и будет.

И утренний кофе на балконе я буду пить, наслаждаясь цветочным ароматом.

От реки пахло рыбой и утренней свежестью. Смешной пароходик пыхтел, борясь с быстрым течением. Невские волны с плеском накатывались на круглые камни узкого пляжа.

Петляющая между старыми липами тропинка привела меня к обзорной площадке на западной стрелке Каменного острова. Площадка была пуста – ранним утром почтенные горожане предпочитают нежиться в постели. Но уже через час в парке появятся первые любители пикников.

Возле площадки скучал одинокий извозчик в желтом мобиле с черной полосой на боку. Я распахнул дверцу мобиля и плюхнулся на заднее сиденье.

– В Ремесленный квартал!

– Едем, ваша милость! – охотно кивнул извозчик, трогая мобиль с места.

По булыжной мостовой Шепчущего моста мы переехали на правый берег. Извозчик ехал осторожно, чтобы не задавить зевак, которые всегда собирались на мосту. Невская вода, разбиваясь о каменные опоры, шептала завораживающие сказки – за это мост и прозвали Шепчущим. Нужно было только взяться за чугунные перила, закрыть глаза и слушать.

Я иногда приходил на мост дождливыми осенними вечерами, когда холодный ветер с залива сдувал с него всех романтиков и влюбленных. Вода тихо плескалась о камни, шум дождя придавал волшебным историям неповторимую сладость.

При каждой встрече мост рассказывал мне что-то новенькое, ни разу не повторяясь.

Я проводил взглядом юношу в потертой одежде. Он был похож на конторского служащего. Вцепившись в перила, юноша крепко зажмурился и слушал с таким выражением, словно мост рассказывал ему что-то очень важное.

Неподалеку жонглер в цветном трико ловко подбрасывал светящиеся шары. Вот они образовали в воздухе вытянутый циферблат. В центре циферблата возникли стрелки и быстро побежали по кругу. Когда стрелки сошлись на двенадцати, светящиеся шары взорвались и разлетелись стаями рубиновых, золотых и изумрудных бабочек.

– Каков ловкач? – одобрительно сказал извозчик, кивком указывая на жонглера.

Ему хотелось поговорить с ранним пассажиром.

– До карнавала еще две недели, – улыбнулся я.

– Артисты уже вовсю готовятся, – подхватил извозчик. – На мостах и на площадях – везде маги, фокусники, музыканты.

Немногочисленные зрители с восторгом аплодировали. К ногам жонглера, звонко прыгая по камням, полетели мелкие монеты.

Извозчик высадил меня на узкой улочке возле кирпичного здания артефакторных мастерских. Мастерские принадлежали роду Пожарских.

– Подождите меня, – кивнул я, протягивая извозчику серебряный рубль.

– Сколько угодно, ваша милость! – радостно улыбнулся извозчик.

Сева Пожарский дожидался меня, нетерпеливо прохаживаясь вдоль улочки. Волосы на его голове стояли дыбом, глаза покраснели. К холщовому фартуку прилипли свежие деревянные стружки.

– Ты совсем не спал, князь? – с улыбкой спросил я.

Сева махнул рукой.

– Да какое там! Представь, Саша – как только я стал соединять магию звука с магией жизни, меня Дар будто под руку повел! Смотрю на схему и понимаю, как надо делать. Магические нити сами собой сплетаются!

Сева энергично взмахнул руками, показывая, как сплетались в его пальцах магические нити.

– Но где ты взял эту схему? Я ни в одном учебнике не видел ничего подобного.

– Ты никому ее не показывал? – на всякий случай, спросил я.

– Нет.

Сева размашисто тряхнул лохматой головой.

– Мы же договаривались, что никто не должен о ней знать. Но мне-то ты можешь сказать, где раздобыл схему артефакта?

Сева умоляюще уставился на меня.

– Вдруг там еще такие есть!

– Я посмотрю, – уклончиво пообещал я.

Но Севе хватило и этого.

– Саша, а проводи меня туда! Ты же ничего не понимаешь в схемах артефактов. Мне бы только одним глазом взглянуть!

Провести постороннего в Незримую библиотеку? Нет, это невозможно. Хранитель библиотеки и слушать меня не станет, несмотря на наши добрые отношения.

– Сева, покажи мне артефакт, – напомнил я.

– Идем!

Сева схватил меня за рукав и потащил к низкой двери, которая скрывалась в арочном проеме кирпичной стены. Дверь была собрана из толстенных досок и вдобавок укреплена железными полосами и защитными заклинаниями.

Да, мастерская артефактора – не то место, куда можно проникнуть при помощи простеньких отмычек. Ни один вор в здравом уме сюда не полезет. Слишком велик шанс напороться на охранную магию и никогда не выйти обратно на узкую, тихую улочку.

Только специалист высокого класса рискнет проникнуть в мастерскую артефактора. Но такие воры берутся исключительно за конкретную работу, под заказ.

Сева потянул дверь на себя. Она отворилась, громко и недовольно скрипнув мощными петлями – наверняка еще одно защитное свойство.

– Иди вперед!

Сева легонько подтолкнул меня, а сам тщательно запер дверь, не забыв активировать защитные заклинания.

Я одобрительно кивнул – за год практики рассеянный и нетерпеливый княжич Пожарский разительно переменился. Неспроста магия предложила ему Путь Мастерства. Это путь требует усидчивости. Хотя, Сева и был недоволен – он со своим горячим характером рассчитывал получить Путь Боя или Путь Служения.

Но магии виднее.

Эти слова стали присказкой всех ранговых магов.

Магии, действительно, виднее. Иногда она ведет нас причудливыми, невероятными путями – я-то хорошо это знал. И лучшее, что можно сделать на таком пути – довериться магии.

Я с любопытством огляделся. Сквозь широкие, забранные мощными решетками окна свободно проникал солнечный свет. А ведь снаружи стекла казались непроницаемо-черными. Их чернота на фоне старой кирпичной кладки придавала Ремесленному кварталу мрачно-угрюмый вид. Зато сколько волшебства творилось за этими толстыми стенами!

Под потолком, окончательно разгоняя сумрак, теплым оранжевым светом пылали магические светильники.

Вдоль стен стояли верстаки и полки с колбами и загадочными стеклянными конструкциями. В дальнем углу просторного помещения тихо гудел кузнечный горн.

Днем в помещении явно работали несколько артефакторов. Глава рода Пожарских был суров – он не выделил сыну для практики отдельную лабораторию. Определил его в мастерскую, под начало своих мастеров.

Мудрое решение, ничего не скажешь. Если хочешь стать мастером, сначала походи в подмастерьях.

– А где остальные работники? – спросил я Севу.

– Соберутся через час. Иди сюда, Саша. Смотри!

Сева подвел меня к верстаку, заваленному свежими стружками и бумажными схемами. Прямо на схемах стояли пустые магические накопители – небольшие квадратные бутылки из толстого стекла с нанесенными на них разноцветными печатями. На углу верстака стояла глиняная кружка с давно остывшим кофе.

– Вот!

Сева благоговейно протянул мне деревянную дудочку. Дудочка была выточена из ясеня – строгое требование – и опоясана тонкими кольцами из красной меди. В плоском мундштуке чернела прорезь.

Свирель Преображения.

Смутные упоминания о ней я отыскал в Незримой библиотеке. Мне пришлось немало порыться на книжных полках, чтобы в старой книге с пожелтевшими страницами найти подробное описание Свирели и чертеж.

Но дело того стоило.

В той же книге нашлись тщательно выписанные ноты заклинаний.

Я взял свирель в руки и сразу почувствовал ее магическую силу. Разглядеть плетение я не мог – для этого нужно было обладать Даром артефактора. Но чувствовал покалывание в кончиках пальцев.

Волшебная вещь.

Скоро с ее помощью я устрою настоящее представление. И кое-кому оно очень не понравится.

– Что скажешь? – нетерпеливо спросил Сева.

И сам не выдержал, не дождался моего ответа:

– Изумительная магия! Ни одной высокой ступени, только начальные. Весь секрет – в плетении! Когда я это понял, меня словно громом ударило. Что она делает?

– Преображает некоторые вещи, – улыбнулся я. – Или придает им истинный облик. В зависимости от мелодии.

– А ноты? – жадно спросил Сева. – Ноты у тебя есть?

– Поищу, – с улыбкой ответил я. – А какую способность ты получил?

– Не скажу, – надулся Сева. – Раз у тебя есть секреты, пусть и у меня будут.

Но его выдержки хватило только на пару секунд.

– Подмастерье Звуков! – гордо заявил он. – Вот!

– Поздравляю, – искренне сказал я. – Сева, ты молодчина!

Новые способности открывались у магов совсем не так часто, как бы им хотелось. Для этого мало было пользоваться магией. Нужно было сотворить что-то невообразимое. По-настоящему волшебное.

– Теперь я смогу делать волшебные инструменты, – закивал Сева. – Наверное. Мне бы только схемы достать!

– Сева, я не могу провести тебя туда, где взял схему свирели, – честно ответил я. – Но обещаю поговорить с хранителем.

– А там и хранитель есть? – изумился Сева.

– Конечно, – кивнул я. – В нем-то все и дело.

– Но если тебе понадобится еще один артефакт... – начал Сева.

– Я сразу обращусь к тебе, – твердо заверил я. – И ни к кому больше.

– Вот это здорово!

От радости Сева даже запрыгал на одной ноге. Но вовремя вспомнил, что теперь он не мальчишка-первокурсник, а мастер артефакторики. Да еще и получивший способность. То есть, серьезный и солидный маг.

– Хочешь, я помогу тебе здесь прибраться? – предложил я.

Сева пренебрежительно махнул рукой.

– Не надо. Я сам. А потом домой поеду, отсыпаться.

Он широко зевнул прикрывая рот ладонью. И улыбнулся счастливой детской улыбкой.

– Способность! Ты представляешь, Саша?

Я подвинул Севе и бережно спрятал свирель во внутренний карман пиджака – рядом с нотами.

– Не только способность, но и достойное вознаграждение за безупречно выполненный заказ. Как только я доберусь до банка, деньги окажутся у тебя на счету.

– Отлично, – обрадовался Сева.

Он не стал отказываться – не хуже меня понимал, что любой хороший труд должен быть достойно оплачен.

Тем более, труд артефактора.

– Мне не терпится узнать, зачем тебе свирель, – сказал Сева.

– Непременно расскажу, – улыбнулся я. – Как только закончу дело. Иначе что-нибудь может пойти не так. Сам знаешь, магические тайны не любят, когда о них болтают.

– Знаю, – важно кивнул Сева.

И снова широко зевнул.

– Давай встретимся как-нибудь вечером в нашем трактире, – предложил я. – Посидим, как в лицейские времена.

– И Мишку позовем, – обрадовался Сева.

– Непременно, – улыбнулся я.

Миша Кожемяко был еще одним нашим товарищем. Мы вместе закончили Императорский магический лицей и здорово сдружились за время учебы.

На церемонии Выбора Пути Мише выпал путь Служения. Поэтому его с радостью приняли на должность помощника полицейского следователя. Для потомка обедневшего дворянского рода из Рязани это было отличное начало карьеры.

– Давай, соберемся завтра, – предложил Сева.

– Не знаю, – улыбнулся я. – Зависит от того, как быстро я закончу дело.

Магическая свирель была у меня. Теперь я собирался вернуться домой и попробовать себя в качестве музыканта. Мелодии превращения не выглядели слишком сложными. Да и магическая свирель – не обычный инструмент. Я не сомневался, что она будет играть практически сама, повинаясь желанию своего владельца.

Однако попрактиковаться не помешает.

– Спасибо, – сказал я, пожимая руку Севы. – Поеду, позавтракаю где-нибудь, а потом – к себе. Вечером пришлю тебе зов.

Но этим обстоятельным планам не суждено было сбыться. Внезапно в моей голове зазвучал холодный уверенный голос:

– Доброе утро, господин Тайновидец! Я вас не разбудил?

Даже безупречная вежливость не могла скрыть невероятную силу обладателя этого голоса. Меня беспокоил начальник Тайной службы Империи Никита Михайлович Зотов.

– Доброе утро, Никита Михайлович, – ответил я. – Нет, не разбудили.

– Отлично, – не меняя интонации, сказал Зотов. – Как быстро вы сможете приехать к особняку графа Толубеева?

– А что случилось? – нахмурился я.

Граф был замешан в деле, которое я расследовал.

– Вы же помните, что деньги, которые пропали у графа, он взял в банке под залог своего особняка? – спросил Зотов. – Из-за кражи граф просрочил платеж, и теперь банк конфискует особняк. Об этом мне доложила охрана. Представитель банка уже там, вместе с полицией и работником казначейства.

– А почему граф Толубеев мне ничего не сообщил? – удивился я.

– Полагаю, графу сейчас не до светских бесед. Он заперся в особняке и грозит сжечь его дотла.

– Задержите их! – быстро сказал я. – Никита Михайлович, нельзя, чтобы они вошли в особняк до моего приезда.

– Охрана видела их бумаги, – засомневался Зотов. – Все документы оформлены, как полагается. Нет причин задерживать представителя банка и полицию.

– Пусть задержат под любым предлогом, – настойчиво повторил я.

– Вы что-то узнали? – насторожился Зотов.

– Да, – не стал скрывать я. – Мне удалось выяснить, куда пропали деньги графа. Я все расскажу, как только доберусь до места.

– В таком случае, я тоже выезжаю, – решил Зотов. – Очень любопытно узнать, как вы раскрыли преступление, которое оказалось не по зубам ни полиции, ни Тайной службе. Выслать за вами мобиль, Александр Васильевич?

– Не нужно, – отказался я. – Мне здесь недалеко.

Все равно Зотов узнает, что я был в мастерской артефакторов. Да я и не собирался ничего скрывать от начальника Тайной службы – кроме некоторых незначительных подробностей.

Но, черт! Я не ожидал, что представители банка будут действовать так быстро и решительно. Надеялся, что день или два у меня еще есть.

– Что-то случилось? – спросил Сева, глядя на мое встревоженное лицо.

– Случилось, – не стал скрывать я. – Но сейчас рассказывать некогда. Мне нужно срочно ехать. Спасибо еще раз, Сева! Увидимся на днях.

Я выскочил из мастерской и подбежал к ожидавшему меня мобиле.

– На Городовой остров, к особняку графа Толубеева! – скомандовал я извозчику, падая на сиденье.

Глава 2

Накрылся завтрак!

Но это тревожило меня меньше всего. Из-за торопливости банковских служащих у меня не осталось времени, чтобы опробовать свирель. Как бы не пришлось импровизировать.

Я взглянул на часы – было ровно восемь утра. А дед назначил мне встречу на полдень.

Не хотелось бы опоздать. Хотя, Игорь Владимирович меня поймет – делом графа Толубеева я занялся по его настоятельной просьбе.

Вот только начало церемонии никто задерживать не станет. А патриарх нашего рода непременно просил меня успеть к началу.

Ехать от Ремесленного квартала до особняка графа было не меньше получаса. Поэтому я решил не терять время попусту.

– Вы, случайно, не оборотень? – вежливо спросил я извозчика.

Это не было шуткой. Среди жителей Империи часто попадались анималисты – в том числе, и оборотни. А мне совсем не улыбалось, чтобы за рулем мобиля вместо человека внезапно оказался перепуганный зверь.

– Нет, ваше благородие, – ничуть не обидевшись, ответил извозчик. – Прадед мой, царствие ему небесное, был волколаком. А больше никого из оборотней в роду.

– Замечательно, – улыбнулся я. – Пожалуйста, постарайтесь ехать побыстрее.

– Слушаюсь, ваша милость!

Извозчик прибавил ходу. А я достал из кармана листы с нотами и разложил их на сиденье рядом с собой.

Потом поднес свирель к губам и осторожно дунул в мундштук.

– Так вы музыкант, ваше благородие? – спросил извозчик, уважительно косясь на меня в зеркало.

– Начинающий, – улыбнулся я. – Без репетиции, и сразу на публику.

– Случается, – философски согласился извозчик.

А я сосредоточился на инструменте, косясь в ноты.

Так.

Вот эту дырочку зажимаем мизинцем. А вот ту – указательным пальцем.

Как только я правильно расположил пальцы на отверстиях, свирель словно поняла, что от нее требуется. Я дунул в прорезь, и раздалась простенькая напевная мелодия.

– На детскую песенку похоже, – улыбнулся извозчик. – Мне матушка такую напевала.

Свирель звучала тонко и заливисто. Наверняка такой высокий звук хорошо слышен.

Я несколько раз повторил мелодию. Убедился, что пальцы не сбиваются, а дыхание остается ровным. Инструмент, и в самом деле, помогал мне.

– Хорошая музыка, – убежденно кивнул извозчик. – Вам бы в оркестр, ваше благородие. Много денег бы заработали.

– Чем-то таким я и собираюсь заняться, – рассмеялся я, убирая свирель.

– И правильно, – согласился извозчик. – Чего публику не порадовать?

Да уж! Кое-кто сегодня обрадуется не на шутку. И заплатит за концерт высокую цену.

– Приехали, ваше благородие! – через несколько минут сообщил извозчик. – Глядите-ка, и полиция тут! Случилось что?

– Пока нет, – успокоил я его, протягивая плату.

Возле ворот особняка стоял полицейский мобиль. Рядом с ним – черный мобиль начальника Тайной службы. В его обводах было что-то от хищного зверя, под стать хозяину.

Значит, Зотов уже приехал. Отлично – не придется препираться со служащим банка.

– Благодарю, – улыбнулся извозчик, принимая деньги. – Да тут много, ваша милость! Или вас еще подождать?

– Не нужно, – отказался я.

Неизвестно, сколько времени я проведу в особняке графа. Да и незачем извозчику знать весь мой маршрут на сегодняшнее утро.

Я вылез из мобиля и пошел к воротам, рядом с которыми уже собирались зеваки. Краем глаза я видел, что извозчик отъехал совсем немного и снова остановился. Наверняка, решил посмотреть – ради чего у ворот графского особняка с утра появилась полиция.

Любопытный, усмехнулся я.

Никита Михайлович Зотов махнул рукой, увидев меня. Он был высоким и жилистым. Одет, по своей привычке, во все черное. Пристальный взгляд серых глаз подчеркивал худобу скуластого лица.

Банковский служащий едва доставал Зотову до плеча. Он был какой-то невзрачный, незаметный. В сером мышином костюмчике и с волосами мышиного цвета. Под его носом сердито подрагивала аккуратно подстриженная щеточка усов – банковский служащий бесстрашно спорил с начальником Тайной службы. В одной руке он держал объемистый кожаный портфель, в другой – скрученные трубочкой бумаги, которыми убедительно тряс перед невозмутимым лицом Зотова.

Неподалеку скучали двое полицейских. Они пили кофе из бумажных стаканчиков, и я завистливо вздохнул.

Везет же некоторым!

Охрана графа Толубеева дежурила внутри его сада, возле надежно запертой калитки.

Подойдя, я поздоровался с Зотовым и повернулся к служащему банка.

– Это вас мы вынуждены ждать? – немедленно возмутился служащий.

– С кем имею честь? – невозмутимо спросил я.

– Матвей Иванович Трегубов, владелец Уральского банка. А вы?

– Граф Александр Васильевич Воронцов.

Я чуть наклонил голову, но руку Трегубову протягивать не стал. Вместо этого небрежно заметил:

– Уральский банк? Вы ведь недавно открылись? Удивительно, что сам владелец банка приехал по такому пустяковому поводу, как просроченная закладная.

– А что в этом удивительного? – фыркнул Трегубов. – Мы и о займе с графом Толубеевым лично договаривались. Вот я и решил обойтись без официоза. Позволить его сиятельству, так сказать, сохранить репутацию. Но нет – так нет!

Он снова повернулся к Зотову.

– Когда я смогу войти в особняк, господин полковник? По документам он уже три часа, как принадлежит мне.

– После официального полицейского осмотра, – невозмутимо ответил Зотов.

И посмотрел на меня:

– Александр Васильевич, вы сможете убедить графа Толубеева впустить нас?

– Попробую, – кивнул я.

И послал зов графу:

– Алексей Дмитриевич, это Воронцов.

– И не уговаривайте, Александр Васильевич! – немедленно ответил Толубеев. – Я их не впускаю. Деньги мне взять негде, но родовой дом я никому не отдам!

– Я нашел ваши деньги, – не тратя слов, сказал я.

– Что? – не поверил Толубеев. – Вы нашли вора? Кто он? Высокоранговый теневик, или кто-то из гостей? Всех слуг проверила Тайная служба, они не виноваты.

– Алексей Дмитриевич, сейчас не время, – деликатно прервал я Толубеева. – Я возле ваших ворот. Со мной начальник Тайной службы. Впустите нас. Обещаю, что особняк останется у вас.

– Но я просрочил платеж, – горько признался Толубеев.

– Уверен, мы сможем договориться с владельцем банка, – терпеливо сказал я. – Тем более, что он тоже здесь.

– Александр Васильевич... – растерянно начал Толубеев.

– Если я ошибся, то внесу платеж за вас, – твердо сказал я. – Вместе с процентами. Мое слово вас устроит? Слово графа Воронцова.

– Конечно, – еще больше растерялся Толубеев.

Зотов внимательно смотрел на меня. Мой разговор с Толубеевым он слышать никак не мог. Хотя...

О магических способностях начальника Тайной службы ходили такие слухи, что я не мог быть уверен ни в чем.

Банкир Трегубов тоже настороженно поглядывал в мою сторону.

– Входите, – нехотя сказал Толубеев. – Александр Васильевич, я надеюсь на вас.

– Все будет хорошо, Алексей Дмитриевич, – успокоил я графа.

Хотя, сам такой уверенности не испытывал.

– Но есть очень важное условие, – спохватился я. – До тех пор, пока мы не осмотрим дом, вы не должны ни о чем спрашивать. Иначе легко спугнете вора.

– Он в доме? – взорвался граф.

Судя по напору, он спросил вслух.

– Тише, – напомнил я. – Надеюсь, вас никто не слышал?

– Я один в своем кабинете. Жгу бумаги.

– Повремените с этим, – улыбнулся я. – И прикажите охране нас впустить.

– Хорошо.

Один из охранников графа, видимо, получив безмолвный приказ, принялся отпирать калитку. Я почувствовал всплеск магического поля – дом графа надежно защищали охранные заклятия.

– Входите, господа! – буркнул охранник.

– Идемте с нами, господин Трегубов, – пригласил я владельца Уральского банка. – Осмотр не займет много времени. После него вы сможете сразу уладить формальности с графом.

Зотов удивленно поднял бровь. Но возражать не стал. Только молча кивнул полицейским, чтобы они шли за нами.

– А нет никаких формальностей, – колко заметил Трегубов. – Платеж просрочен. Стало быть, особняк переходит в собственность банка. То есть, в мою собственность.

Он многозначительно потряс документами.

Мы пошли по садовой дорожке к особняку.

– Я бы не стал затевать этот осмотр, – доверительно сказал я Зотову. – Но мой дед очень настаивает. Это он просил меня поучаствовать в деле графа Толубеева. Да вы знаете. Сколько раз мы уже осматривали дом?

Я говорил негромко. Но позаботился о том, чтобы Трегубов расслышал каждое слово.

– Трижды, – ответил Зотов.

Уголок его жесткого рта дрогнул в понимающей улыбке. Начальник Тайной службы мгновенно раскусил мою хитрость.

– И никаких результатов, – кивнул я. – Ни нарушения магического фона, ни следов взлома. Ничего.

– Деньги словно испарились, – подтвердил Никита Михайлович.

Неожиданно он остановился, словно ему пришла в голову новая мысль.

– А что, если деньги и не пропадали? Потратил их граф и объявил о краже? Что вы об этом думаете, Александр Васильевич?

Надо же, удивленно подумал я. Ведь Зотов явно сказал наугад, а попал в точку. Вот, что значит чутье!

– Дом в любом случае нужно осмотреть, – дипломатично ответил я. – Это единственное, что мы можем сделать.

Полицейские шли за нами. Я слышал, как их сапоги скрипят по песку садовой дорожки.

Мы поднялись на крыльцо. Старый особняк выглядел запущенным. Когда-то белоснежные колонны парадного входа покрылись копотью, а кое-где даже поросли мхом. Бронзовые ручки дверей давно никто не чистил.

Нас встретил дворецкий. Он выглядел ровесником особняка, и был так же мрачен.

– Прошу вас, господа! – неживым голосом сказал он, приглашая нас войти.

Банкир Трегубов заметно расслабился. Он наверняка слышал наш разговор с Зотовым и теперь полагал, что предстоящий осмотр – пустая формальность. Банкир по-хозяйски оглядел просторный холл графского особняка, взглянул на дворецкого и недовольно скривил тонкие губы.

Наверняка уже прикидывает, как уволить всю прислугу графа Толубеева.

Граф Алексей Дмитриевич Толубеев ожидал нас на лестнице. Он успел надеть мундир – в молодости Толубеев служил в армии. Седые кудри графа были в беспорядке, а запавшие глаза горели такой отчаянной надеждой, что я поспешил ему навстречу.

– Ни слова, – одними губами напомнил я графу.

А вслух сказал:

– Ваше сиятельство, будьте любезны еще раз показать нам комнату, откуда пропали деньги.

Толубеев исподлобья сверлил взглядом банкира. Ноздри графа раздувались от ярости.

Как бы он не сорвал мне все дело!

Трегубов оглядывался по сторонам, делая вид, что ничего особенного не происходит. Потом опустил глаза и принялся рассматривать свой портфель.

Ну, хоть не стал мериться взглядами с графом.

– Ваше сиятельство! – окликнул я Толубеева. – Извольте показать кабинет.

– Прошу вас, господа! – опомнившись, глухо сказал граф.

Повернулся и пошел по лестнице на второй этаж.

Мы поспешили за ним.

Честно говоря, я предпочел бы осмотреть кабинет без помощи графа. Слишком уж трудно ему было сдерживаться, это я прекрасно чувствовал. Да и расположение комнат в особняке мы с Зотовым знали – месяц назад все здесь перевернули в поисках пропавших денег.

Но – не полагается обыскивать дом в отсутствие хозяина. По крайней мере, особняк старого графского рода.

Поэтому я шел следом за Толубеевым. Сразу за моей спиной пыхтел Трегубов, за ним вышагивал Зотов, а замыкали процессию полицейские.

– Останьтесь снаружи, – коротко велел им Зотов.

Но я отрицательно качнул головой.

– Полицейские могут нам понадобиться.

В кабинете, несмотря на летнее время, жарко пылал камин. Дверцы шкафов были распахнуты. На паркете и на письменном столе из полированного вишневого дерева в беспорядке валялись бумаги.

– Сжигаете свой архив? – спросил Зотов старого графа.

– А вам какое дело? – невежливо ответил Толубеев.

– Никакого, – согласился Никита Михайлович.
И посмотрел на меня.
Пора было начинать.
– Дайте мне ключ от кабинета, – попросил я Толубеева.
Граф нехотя мне протянул ключ на медной цепочке.
Я запер кабинет изнутри и кивнул одному из полицейских:
– Стойте возле двери.
А потом повернулся к графу.
– Итак, вы сами привезли деньги из банка?
– Да, – раздраженно ответил граф. – Привез и поставил ларец на стол в кабинете. Потом вышел переодеться, при этом запер кабинет на ключ. А когда вернулся – денег уже не было!
– Ларец пропал вместе с ними?
– Нет! – выкрикнул граф. – Он стоял на столе и был заперт!
– Где ларец сейчас?
– В шкафу.
– Прошу вас, поставьте его на стол и откройте.
– Что это за представление? – вмешался банкир Трегубов. – Я думал, вы собираетесь еще раз осмотреть кабинет.
– Именно это мы и делаем, – улыбнулся я. – Начнем с ларца. Вдруг деньги в нем, а мы их просто не заметили.
– Цирк! – фыркнул банкир.
Но он ошибался. Это был не цирк, а трагедия.
Граф Толубеев поставил ларец на стол и открыл крышку. Для этого ему пришлось достать из кармана еще один ключ – поменьше, и тоже на цепочке.
– Отойдите в сторону, – попросил я. – И смотрите внимательно.
А затем достал из кармана свирель.
При виде свирели банкир Трегубов стремительно побледнел. Его глаза расширились от изумления, челюсть отвисла.
А затем банкир с неожиданным проворством бросился к двери.
– Держите его! – крикнул я полицейским.
Банкира скрутили. Он сопротивлялся молча, с бешеным упорством. И даже укусил одного из полицейских за руку, но не сумел прокусить плотное сукно мундира.
– Наденьте на него наручники! – нетерпеливо скомандовал Зотов.
И повернулся ко мне:
– Что все это значит, господин Тайновидец?
– А вот что, – улыбнулся я.
И поднес свирель Преображения к губам.
Зазвучала мелодия, похожая на детскую песенку. Солнечные пятна на паркете зашевелились. Они менялись, превращаясь в подобие небольших хвостатых зверьков.
– Это же крысы! – пораженно прошептал Зотов.
Да, это были крысы. Только не серые – их шерсть отливала золотым блеском.
Не обращая на нас внимания, крысы одна за другой подбегали к столу и проворно карабкались вверх, цепляясь когтями за дерево.
Вот первая крыса прыгнула в ларец. За ней вторая, третья...
Я играл, чувствуя, как немеют непривычные губы.
Вот последняя крыса вскарабкалась в ларец. Я взял еще несколько нот, и свирель умолкла. В кабинете графа Толубеева повисла напряженная тишина.
Только пыхтел банкир Трегубов, которого держали сразу двое полицейских.
– Взгляните, – пригласил я Зотова.

И первым подошел к столу.

Ларец был полон золотых червонцев. Деньги лежали ровными стопками, как будто их укладывала заботливая рука.

– Вот ваши деньги, Алексей Дмитриевич, – улыбнулся я. – В целости и сохранности. Но, боюсь, вернуть их банку не получится.

– Что это такое? – резко спросил Зотов. – Что за магия?

–оборотные деньги, – улыбнулся я. – Забытая легенда старых времен.

– Негодяй!

Граф Толубеев пришел в себя и бросился к банкиру.

– Ты! Ты хотел меня обокрасть! Отнять мой особняк. Убью, сволочь!

Полицейские отгеснили графа в сторону, но он продолжал гневно сверкать глазами и кричать:

– Убью мерзавца!

– Думаю, ему обеспечено несколько лет каторги, – усмехнулся я. – Но и это не самое страшное. Посмотрите, Никита Михайлович!

Лицо банкира на глазах вытягивалось, превращаясь в оскаленную крысиную морду. На щеках прорастал густой серый мех.

Трегубов пронзительно заверещал и страшно защелкал длинными желтыми зубами.

Крыса, настоящая крыса!

– Думаю, в его кармане вы найдете точно такую же свирель, – сказал я Зотову. – Он торопился в особняк, чтобы уничтожить последние доказательства. Для этого и портфель прихватил.

И тут в грудь справа от сердца коротко ударило. Это проснулся мой магический Дар.

В глазах потемнело. Пламя в камине стало тусклым, летний день за окном превратился в вечер. Голова закружилась.

Магия решила отблагодарить меня за то, что я следовал своему Пути. Видно, ей понравилось представление, которое я устроил.

Глава 3

– Что с вами, Александр Васильевич? – встревоженно спросил Зотов.

Я ухватился за стол, чтобы не упасть. В полированном вишневом дереве смутным очертанием отражалось окно.

Я чувствовал тревогу Зотова так ясно, словно это была моя собственная тревога. Но кроме нее я ощущал острый ужас, который охватил банкира Трегубова, и растерянность графа Толубеева.

Даже полицейских чувствовал. Им было интересно и непонятно то, что сейчас происходило на их глазах.

Похоже, у меня появилась способность понимать чувства других людей. Ничего себе, вот это награда! Полезное качество для тайновидца.

– Спасибо, магия! – мысленно поблагодарил я.

Магия не ответила. Но я чувствовал ее внимательный взгляд – совсем как год назад, в Храме Путей. Тогда магия точно так же вглядывалась в меня, решая, какой путь мне предложить.

Теперь, благодаря своему новому умению, я отчетливо уловил в ее взгляде одобрение. Да еще и название способности само собой возникло в голове, и было очень подходящим.

Эмпатия.

А потом головокружение прошло. Цветные пятна перед глазами исчезли. Одновременно с этим притупилась и новая способность. Дала мне передышку. Возможность самому упражняться и потихоньку привыкать.

– Воды! – отрывисто сказал кому-то Зотов.

Наверное, графу Толубееву.

– Не надо, – с трудом шевеля губами сказал я. – Со мной все хорошо. Это способность... Я только что получил магический ранг.

– Поздравляю, Александр Васильевич, – удивленно кивнул Зотов. – Вы точно в порядке?

– В полном, – подтвердил я.

– А что за способность? – как бы между прочим поинтересовался начальник Тайной службы.

Но я уже достаточно пришел в себя и только улыбнулся в ответ на этот вопрос. Вот любопытный!

– Ладно, – с сожалением вздохнул Зотов. – Понимаю.

Он быстро подошел к трясущемуся от страха Трегубову и бесцеремонно полез во внутренний карман его пиджака. Высокий, одетый в черное Зотов чем-то напомнил мне демона. На секунду показалось, что сейчас он просто вырвет у проворовавшегося банкира сердце и принесет его в жертву темным силам.

Но Зотов просто обшарил карманы Трегубова и разочарованно сказал:

– Пусто.

Затем вырвал из рук банкира портфель. Положил его на стол, щелкнул замком.

– Ага, вот она!

Его длинные пальцы цепко держали свирель. На первый взгляд, артефакт был сделан куда грубее, чем получилось у Севы, и выглядел очень старым.

– Где вы это взяли? – резко спросил Зотов банкира.

– Дед передал, – дрожа всем телом, ответил Трегубов.

И вдруг обвис в руках полицейских, пытаясь упасть на колени:

– Не губите, ваше сиятельство!
– Да кто же тебя губит? – искренне удивился Зотов. – Ты ведь запретной магией не занимался? Просто людей обманывал, так?
– Да! – неистово закивал Трегубов.
– И имена пострадавших назовешь?
– Всех назову, до единого!
– И убытки им возместишь? Впрочем, этим казначейство займется, тут твое согласие не требуется. Наложим арест на имущество – думаю, ты немало скопил.
– Возмещу, все возмещу! – выкрикивал Трегубов.
– Ну, вот, – удовлетворенно покачал головой Зотов. – Будешь сотрудничать со следствием, это тебе зачтется. Так что, посидишь лет десять в крепости, а потом на поселение – в дальнюю губернию.
Зотов жестко скривил губы и кивнул полицейским:
– Уведите. Внизу ждут сотрудники Тайной службы, передайте арестованного им.
Полицейские вывели Трегубова.

Граф Толубеев протянул мне стакан, на четверть наполненный янтарной жидкостью:
– Выпейте, Александр Васильевич.
Я сделал глоток и поморщился – крепкий напиток, настоянный на травах, обжег пищевод, но вернул ясность мыслям.
– Не знаю, как мне вас отблагодарить, Александр Васильевич, – начал Толубеев. – Я до последнего не верил, что вы сможете чем-то мне помочь...
– Пустяки, Алексей Дмитриевич, – улыбнулся я. – Это мой дед Игорь Владимирович Воронцов попросил меня заняться вашим делом.
– А хотите, я подарю вам скакового жеребца? – неожиданно предложил граф.
– Жеребца? – удивился я.
Граф Толубеев держал хорошие конюшни, и собирался открыть неподалеку от Столицы конный завод. Для этого ему и понадобились деньги.
– Не отказывайтесь, Александр Васильевич, – настаивал Толубеев.
– Да мне и держать его негде, – рассмеялся я. – Кроме того, я совершенно не разбираюсь в лошадях.
– Я с радостью возьму на себя его содержание и тренировку, – заверил меня граф. – А вы станете владельцем. Буду от вашего имени заявлять Мальчика на скачки. Все призы – ваши. А со временем он станет отличным производителем. Поверьте мне, я в этом кое-что понимаю. Прошу вас, это от чистого сердца! Иначе я буду чувствовать себя обязанным.
– Хорошо, Алексей Дмитриевич, – улыбнулся я.
– Тогда я подготовлю все документы, – обрадовался граф. – И пришлю их вам на подпись.
По рукам?
– Согласен, – кивнул я.
И мы с графом Толубеевым пожали друг другу руки.
– А могу я на него посмотреть? – спросил я.
– Конечно, – обрадовался граф. – Приезжайте в любое время, я предупрежу тренера. Вы знаете, где мои конюшни? В Сосновке, это по северной дороге в сторону Выборга.
– Обязательно загляну, – пообещал я. – Особенно, если вы составите мне компанию. А теперь прошу меня извинить – дела. Да и вам нужно отдохнуть, ваше сиятельство.
Время уже подходило к полудню. А ровно в полдень дед будет ждать меня возле Императорского магического лица. Нужно торопиться.

– Вы спешите, Александр Васильевич? – спросил меня Зотов.

– Да, – кивнул я. – Важная встреча.

– Я могу вас подвезти, – предложил Зотов.

И расспросить по дороге обо всем, что только что произошло в кабинете графа Толубеева.

– Вы ведь понимаете, что ваши показания потребуются для завершения расследования, – подтвердил мою догадку Зотов.

– Понимаю, Никита Михайлович, – улыбнулся я. – И с удовольствием воспользуюсь вашим предложением.

Императорский магический лицей находился неподалеку от особняка Толубеева, на Городовом острове. Я бы с удовольствием прогулялся пешком по узким улочкам и мозаичным тротуарам. Наслаждался теплым весенним днем, привел в порядок сумбур в голове.

Да и новую способность нужно опробовать. При мысли об этом я ощутил радостное предвкушение – как мальчишка, который только что придумал новую игру.

Но и Зотова я хорошо понимал. Ему теперь предстоит сводить концы с концами в запутанном деле банкира. И без разговора со мной ему просто не обойтись.

– А давайте прогуляемся, Никита Михайлович, – предложил я. – День какой хороший. По дороге и поговорим.

– Принимается, – удивленно кивнул Зотов. – Но сначала надо отправить эти оборотные деньги в хранилище. Я ведь правильно понимаю, что через какое-то время они снова разбегутся? Что-то не хочется ловить их по всему городу.

Я знал, о чем он говорит. В здании Имперского казначейства существовало специальное хранилище для изъятых магических артефактов. Оно было защищено всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Внутри хранилища не работала никакая магия – точно так же, как в тюрьме Петропавловской крепости.

Откуда я это знал?

Однажды Зотов пригласил меня в хранилище на экскурсию – полгода назад, когда он еще надеялся заманить меня в Тайную службу.

В памяти услужливо возникли бесконечные, слабо освещенные залы и длинные ряды витрин, изготовленных из специального магического льда. Лед был очень похож на стекло. Вот только ни разбить, ни расплавить его было невозможно.

В одну из таких витрин Зотов собирался поместить магические оборотные деньги, изъятые у Трегубова.

– Переложите их в портфель, – посоветовал я. – Не зря же Трегубов принес его с собой. Думаю, на портфель наложены особые чары, которые не дают деньгам превратиться.

Зотов дотронулся до портфеля и удивленно кивнул:

– Вы правы, Александр Васильевич. Да, задал нам задачку этот Трегубов. Я раньше никогда не слышал о такой магии.

– Мир полон чудес, – усмехнулся я. – Кстати, поинтересуйтесь у банкира, где он взял портфель. Наверняка, какой-то артефактор изготовил его на заказ. Портфель не выглядит очень старым, сомневаюсь, что банкир получил его в подарок от своего заботливого дедушки.

– Непременно поинтересуюсь, – согласился Зотов.

На худом лице начальника Тайной службы появилось отсутствующее выражение – Зотов посылал кому-то зов.

Через несколько секунд в дверь коротко постучали. Вошел один из сотрудников Зотова – очень серьезный молодой человек, одетый во все черное, по примеру своего начальника. Черными были даже перчатки, в которых он щеголял, несмотря на теплый день.

Форма у них такая, что ли?

Зотов молча кивнул на стол.

Молодой человек осторожно переложил золотые монеты из ларца в портфель. Щелкнул замком и только после этого снял перчатки.

Понятно, мера предосторожности.

– Отвезите портфель в хранилище, Артем Сергеевич, – сказал Зотов. – И немедленно доложите.

– Слушаюсь, – кивнул молодой человек и вышел, обеими руками прижимая к груди портфель.

– Нам пора, Алексей Дмитриевич, – обратился Зотов к графу Толубееву. – Надеюсь, наш визит не слишком утомил вас. Извините за беспокойство.

– Какое беспокойство, господа, о чем вы!

Толубеев взмахнул пустым стаканом – граф и себе успел налить успокоительного.

– Я благодарен вам от всей души. Вы спасли меня от происков этого мерзавца!

– Вот, и замечательно, – Зотов по своей привычке усмехнулся краешком жесткого рта.

– А теперь разрешите откланяться.

Граф Толубеев лично проводил нас к выходу, не доверив это важное дело своему печальному дворецкому.

– Прошу, господа, заходите в любое время! – кивнул он. – Я ваш должник.

Мы с Никитой Михайловичем Зотовым неторопливо шагали по улице Парков. Подходящее название! По левую руку от нас и в самом деле, тянулись частные парки, в глубине которых стояли особняки.

– Как же вы догадались, что именно банкир Трегубов причастен к пропаже денег? – спросил меня Зотов.

– Я не догадывался, что это именно он, – улыбнулся я. – Но подозревал кого-то из служащих банка.

– Почему? – нахмурился Зотов.

– Посудите сами, – объяснил я. – Деньги пропали из запертого кабинета. Никаких следов взлома, никакой высокоранговой магии. Можно было бы заподозрить в краже самого графа Толубеева, но ему пропажа денег явно была невыгодна. Ведь он терял особняк.

– Понимаю, – согласился Зотов. – Проще уж было выставить особняк на торги.

– Вот именно. Кстати, граф выручил бы за дом намного больше той суммы, которую он одолжил в банке. Но Толубеев ни за что не хотел расстаться с родовым гнездом. И тогда мне пришла в голову мысль, что никаких денег не было. Графа попросту обманули. Создали иллюзию, или что-то подобное.

– Иллюзию такого уровня невозможно создать без применения запретной магии, – заметил Зотов.

– Да, я тоже так подумал. И поэтому засел в Незримой библиотеке и принялся копаться в книгах.

Я без опаски упомянул Незримую библиотеку, потому что начальник Тайной службы и так прекрасно знал о ее существовании. Именно Зотов в свое время рассказал мне, как туда попасть.

– Снова Незримая библиотека, – задумчиво усмехнулся Никита Михайлович. – Как вы, все-таки, умудрились подружиться с ее хранителем.

Он не спрашивал, а утверждал. О чем тут спрашивать? На мой взгляд, все было просто. Общались мы с Библиусом (так звали хранителя), вот и все.

– В одной из книг были упомянуты оборотные деньги. И нарисована схема артефакта, который позволяет их подманить – той самой свирели Преображения. Это старая магия, о ней было мало что известно еще до Смуты. А потом сведения совсем потерялись.

Смутой историки называли кровопролитную гражданскую войну, которая полыхала по всей Империи без малого сотню лет. Война началась с Восстания Магов – влиятельные маги-аристократы решили захватить власть.

К счастью, мятежники быстро перессорились между собой, ничего удивительного. Мало кто хочет делиться властью. Это и позволило императорскому роду сохранить трон.

Именно после Смуты высокоранговая магия попала под запрет. И теперь могла использоваться только с особого разрешения и в интересах государства.

– Александр Васильевич, вы отдадите мне свирель? – спросил Зотов. – Формально я не могу изъять ее. При ее изготовлении не использовалась запретная магия. Но вы же понимаете, насколько опасен этот артефакт?

– Пожалуйста, – улыбнулся я, протягивая свирель Зотову. – Никогда не мечтал о карьере музыканта.

– А чертежи?

– Я верну их в Незримую библиотеку. Там им самое место.

Зотов не спросил меня, кто изготовил артефакт. И я вполне оценил его деликатность.

– Удивительная история, – усмехнулся Зотов. – Сколько лет работаю в Тайной службе, но не устаю удивляться чудесам, которые иногда происходят. Вот, взять хотя бы вас. Путь Тайновидца – уму непостижимо. Вы сами-то представляете хотя бы приблизительно, куда этот путь может однажды вас завести?

– Не имею ни малейшего понятия, – рассмеялся я. – И считаю, что так даже интереснее.

Мы свернули на бульвар Дрожащих Радуг. Среди молодых кленов к радости гуляющих горожан и окрестных ребятишек непрерывно работали фонтаны. В солнечный день над каждым фонтаном сверкала маленькая радуга.

Первые этажи зданий вдоль бульвара были сплошь заняты трактирами, лавками и небольшими магазинами. Увидев вывеску пекарни, я не утерпел и спросил Зотова:

– Вы обождете минутку?

Забегал в пекарню и с удовольствием вдохнул соблазнительный аромат свежесвеженного хлеба. Хозяин пекарни, щеголявший в высоком белоснежном колпаке, приветливо осведомился:

– Что будет угодно вашей милости?

– Моей милости будет угодно два больших кофе с молоком и два горячих рогалика, – решил я.

– Рогалики с сахарной обсыпкой? – уточнил хозяин.

– Непременно.

– Сию минуту!

Я покинул пекарню, держа в одной руке подставку с бумажными стаканчиками, а другой прижимая к груди бумажные пакеты с выпечкой. Рогалики были только что из печи – тепло чувствовалось даже сквозь плотную бумагу.

– Поздний завтрак аристократа? – рассмеялся Зотов, увидев счастливое выражение моего лица.

– Угу, – кивнул я.

И протянул ему кофе и рогалик:

– Угощайтесь!

Никуда не торопясь, мы дошли до площади Зримой Магии. До полудня оставалось десять минут.

– Так у вас дела в Императорском магическом лицее? – догадался Зотов.

– Да, – кивнул я. – Игорь Владимирович назначил мне встречу на церемонии. Вы ведь помните, какой сегодня день.

– День Выбора Пути, – спохватился Зотов. – Ну, конечно! И вы приглашены?

– Да. Разве можно упустить случай полюбоваться такой красотой. Смотрите!

Над зелеными кронами старых лип и синими корпусами лица возвышался золотой купол Храма Путей.

– Красиво, – согласился Зотов.

И по привычке нахмурился, проверяя магический фон.

Храм Путей не был обычным зданием – он всегда возникал за одну ночь. Еще вечером вымощенный разноцветными плитками плац лица был пуст. А теперь на нем возвышалось изящное круглое здание. Белоснежные колонны несли на себе золотой купол. Между колоннами дрожало и переливалось серебристое магическое поле, а на куполе Храма сверкал большой хрустальный шар.

Храм было отлично видно с площади. Потому ее и называли площадью Зримой Магии.

– Что ж, Александр Васильевич, спасибо за помощь, – кивнул Зотов и протянул мне руку.

Задержав мою ладонь, он спросил:

– Вы еще не решили принять мое предложение? Служить Империи почетно для любого дворянина.

– Если я надумаю, вы узнаете об этом первым, – улыбнулся я. – До свидания, Никита Михайлович.

– До свидания, господин Тайновидец, – ответил Зотов.

Развернулся и решительно зашагал обратно к особняку графа Толубеева.

Я проводил его взглядом и пошел наискось через площадь к распахнутым воротам Императорского магического лица.

Глава 4

Храм Путей был воплощенной магией. Чтобы его создать, применялись мощные магические накопители. Внеранговая магия, для использования которой требовалось особое разрешение императора.

До Смуты у каждого сильного рода был свой Храм Путей. Но после запрета высокоранговой магии войти в храм и получить Путь могли только выпускники магических академий. И лишь те из них, кто перед этим принес клятву верности императорской династии.

Слишком сильным становился маг, получивший Путь.

Путь – это важная подсказка. Магия сама советовала магу, как лучше развивать магический Дар. Идя по своему Пути, маг быстрее достигал вершин мастерства.

Чаще всего магу выпадал один из четырех путей.

Путь Боя, символом которого был Меч.

Путь Служения – его обозначал Скипетр.

Путь Созидания – знак Молот.

Путь Торговли – Монета.

Но иногда магия предлагала уникальный Путь – как это случилось со мной.

На стоянке рядом с лицеем было тесно от машин. Многие машины вышли из мастерских, принадлежащих нашему роду. Так что я разглядывал машины с любопытством, а отчасти – и по-хозяйски. Интересно, на котором из них приехал дед?

Ага, вот он! С низким кузовом темно-вишневого цвета, с большими колесами. На дверце красовался герб рода Воронцовых, а на широком капоте – серебряная фигурка ворона.

Красавец!

Игорь Владимирович обожал лично обкатывать новые модели машин. И платил хорошие деньги мастерам, которые изобретали все новые и новые конструкции.

По словам деда, такие вложения окупались многократно. Машины из наших мастерских разъезжались во все концы Империи. И в другие страны тоже – на машинах стояли мощные магические накопители, которых хватало на несколько лет.

Я с улыбкой подумал, что деду просто нравится развлекаться с новыми игрушками. В молодости он был лихим гонщиком и летал по улицам столицы так, что пыль поднималась до самых крыш.

– Александр Васильевич! – окликнул меня служитель лицея. Он стоял возле ворот, нетерпеливо крутя головой по сторонам. Седая шевелюра служителя напоминала пух одуванчика. И сам он был как одуванчик – невысокий, худой, в зеленой ливрее. На добродушном лице – удивленное выражение.

– Игнат! – обрадовался я.

Когда мы с Севой Пожарским жили в крохотной квартирке в спальном корпусе лицея, Игнат приносил нам завтраки. Будил к началу занятий, ругал за самовольные ночные отлучки, чистил одежду, которая частенько пачкалась в стычках с учениками других магических академий.

И никогда не докладывал о наших проделках директору лицея, нарушая этим свои прямые обязанности.

Мы не виделись ровно год, с того самого дня, когда я получил уникальный Путь и стал выпускником магического лицея.

– Здравствуй, – сказал я, дружески обнимая Игната. – Как ты поживаешь?

– Все по-прежнему, Александр Васильевич, – охотно ответил Игнат. – А, стало быть, хорошо. А вы, гляжу, похорошели. И глаза блестят. Позавтракать-то не успели сегодня?

Он многозначительно покосился на рогалик, который я держал в руке.

– Не успел, – рассмеялся я.

Игнат сокрушенно покачал седой головой.

– Как всегда, – проворчал он. – Ну, идемте. Игорь Владимирович вас уже ждался.

Он повел меня к трибунам, на которых теснились гости церемонии. Столичные и приезжие аристократы в строгих темных костюмах, дамы в красивых платьях. Представители многочисленных дворянских родов.

Алхимики и артефакторы, зельевары и менталисты, боевые маги и архитекторы магических зданий.

Сила и опора Империи.

Все собрались сегодня на плацу Императорского магического лицея, чтобы поддержать молодежь своих родов. Счастливицев, которым только предстоит принять Путь.

– А как твои нынешние подопечные? – спросил я Игната.

– Всю ночь не спали, волновались, – поделился он. – А как не волноваться? Такое событие! Вы тоже, помню, до утра глаз не сомкнули.

– Да, было дело, – с улыбкой кивнул я.

Оглядел трибуны, похожие на пышный цветник, и отыскал взглядом своего деда.

Дед сидел, гордо выпрямив спину, небрежно отставив в сторону витую трость, в которой был спрятан смертоносный клинок. Весенний ветер чуть растрепал его седые волосы – дед был с непокрытой головой.

Игорь Владимирович Воронцов, глава графского рода Воронцовых, его патриарх.

Столичные аристократы почтительно здоровались с ним, дамы улыбались. Дед отвечал вежливыми кивками, иногда говорил несколько слов.

Перехватив мой взгляд, дед улыбнулся тепло и открыто. Помахал рукой, приветствуя меня.

Раскланиваясь со знакомыми, я пробрался к нему.

– Доброе утро, Игорь Владимирович.

– Здравствуй, Саша – дед указал на место рядом с собой. – Присаживайся. Спасибо, что выбрал время и приехал.

Он добродушно улыбнулся, внимательно оглядывая меня.

– Вольная жизнь идет тебе на пользу. Выглядишь прекрасно.

Только наедине дед позволял себе называть меня Сашей. Но никто не сделал для меня в этой жизни больше, чем он.

Это дед помог открыться моему магическому дару и настоял, чтобы отец отпустил меня в Императорский магический лицей.

– Как прошло утро? – поинтересовался дед.

– Отлично, – улыбнулся я. – Помог графу Толубееву отыскать пропавшие деньги.

– Ого!

Дед удивленно поднял седые брови. Достал из кармана жилета золотые часы и озабоченно взглянул на циферблат.

– Церемония вот-вот начнется, поэтому о твоих утренних приключениях я с удовольствием послушаю за обедом. Если, конечно, ты окажешь мне честь и пообедает со мной.

– С удовольствием, – рассмеялся я. – Я и позавтракать-то сегодня не успел. А зачем вы пригласили меня на церемонию?

– Меня интересует твое мнение об одном из выпускников, – прямо ответил дед. – Это Иван Горчаков. Вот он.

Набалдашником трости дед указал на юношу, который сидел на скамье выпускников неподалеку от нас.

Большинство выпускников заняли места на мраморных скамьях перед Храмом. Все они были в парадных мундирах Императорского лицея, все молодые и взволнованные. И от этого казались похожими друг на друга.

Но только на первый взгляд.

Иван Горчаков, на которого указал дед, был высоким и худым, к тому же, сильно сутулился, зажав руки между коленей. Тонкие запястья далеко торчали из рукавов мундира. Я подумал, что мундир ему сшили заранее, а парень сильно вытянулся за последний год. Неподвижный взгляд юноши смотрел в никуда. Мне даже показалось, что он спит с открытыми глазами.

А еще я заметил, что он сидит поодаль от своих сокурсников.

– Княжич Горчаков? – удивился я. – Похоже, у него нет друзей в лицее.

– Он не княжич, – возразил дед. – Хотя и сын Николая Горчакова.

Дед наклонился ко мне и понизил голос:

– Он незаконный сын. Бастард.

– Вот оно что, – понативно кивнул я. – А почему он вас интересует?

– Потому что это я оплатил его учебу в Императорском лицее. У парня сильный дар целителя. И я очень надеюсь, что после выбора Пути он станет работать на наш род. Я даже устроил ему практику в нашем госпитале.

– Понятно, – снова кивнул я. – А его отец не будет против?

– Надеюсь, что нет, – жестко усмехнулся дед. – Мать Ивана очень сердита на князя и не позволяет ему общаться с сыном. Закон на ее стороне – ведь Николай Горчаков не признал Ивана. Кстати, князь тоже здесь. Его законный наследник Юрий также должен получить сегодня Путь.

– Вижу, – кивнул я.

Семейство Горчаковых сидело как раз напротив нас. Я даже подумал, что дед не случайно выбрал для нас такие места, с которых удобно наблюдать за Горчаковыми.

Князь Николай Андреевич Горчаков все еще был красавцем. Стройный, с темными волосами, чуть тронутыми сединой, в придворном мундире – белом с золотым шитьем. Впечатление портило только выражение его лица – заносчивое и растерянное одновременно.

Как будто случай вознес его слишком высоко, и теперь князь боялся упасть.

Законный сын Горчакова Юрий сидел рядом с ним. Он был похож на отца – такой же темноволосый и худощавый. И выглядел не менее заносчивым, а вот неуверенности я в нем не заметил. Парадный мундир сидел на Юрии как влитой.

– Юрий неплохой менталист, – сказал мне дед, увидев, что я смотрю на наследника Горчаковых. – Но ничего необычного.

– А мать Ивана здесь? – поинтересовался я.

– Да. Ирина Дмитриевна Полозова, дочь небогатого купца. Ей пришлось несладко, родня от нее отвернулась.

Дед движением подбородка указал на женщину, которая сидела ниже нас. Я видел только ее профиль, и он показался мне красивым.

Николай Горчаков демонстративно не смотрел на нее. Старшего сына он тоже словно не замечал.

– Что вы хотите от меня? – напрямик спросил я деда.

– Точно не знаю, – дед добродушно улыбнулся. – Просто прошу тебя понаблюдать за Горчаковыми. А потом поделиться своими мыслями. Вдруг твой Дар тебе что-то подскажет.

– Хорошо, – согласился я.

На мгновение у меня мелькнула мысль, что ничего особенного дед не ждет. Просто нашел такой способ повидаться со мной. И заодно показать, что с уважением относится к моему Дару.

Говоря по совести, это было чертовски приятно. Поэтому я честно выполнил просьбу патриарха и скользил рассеянным взглядом по лицам Горчаковых, стараясь только, чтобы они ничего не заметили.

Шум голосов смолк.

На площадку перед Храмом вышел директор Лицея Илларион Богданович Голенищев. В руках он держал свиток пергамента. Свиток был пуст – это знали все. Имена магическим образом появлялись в нем уже во время церемонии.

В молодости Илларион Богданович был боевым магом, воевал в Валахии и Пруссии, освобождал Княжество Сербское.

В мирное время принял пост директора Лицея и много внимания уделял военной подготовке выпускников.

Директор коротко откашлялся в пышные седые усы и строго взглянул на выпускников:

– Господа выпускники! – звучным голосом произнес он. – Сегодня каждому из вас предстоит принять важное решение – встать на Путь или отказаться от него. Судьба посылает вам Знак, но выбор – за вами. Путь могущества труден. Тех, кто идет по нему, ждет множество преград и искушений. Будьте великодушными в минуты успеха и сильными в часы неудач. Не падайте духом и протягивайте руку помощи более слабым. Не уроните честь Императорского лицея! Я верю в вас! Поздравляю с выпуском и приглашаю каждого сделать выбор! Закончив торжественную речь, директор развернул свиток. Стало так тихо, что я услышал слабое потрескивание сухого пергамента. Все непроизвольно вытянули шеи.

– Константин Стоцкий! – торжественно сказал директор. – Сделайте свой выбор.

Один из выпускников поднялся и растерянно оглянулся на своих товарищей. Они провожали его взглядами, в которых читались сочувствие и зависть. Ведь он был первым!

Кто-то шепотом пожелал ему удачи.

Справившись с собой, Стоцкий пошел к Храму. Магическое поле всколыхнулось, пропуская его, и фигура парня скрылась из вида.

А я поневоле вспомнил, как сам год назад вошел в Храм Путей. Вспомнил так ярко, как будто это снова происходило со мной.

Я вспомнил, как директор поднял взгляд от пергамента:

– Александр Воронцов, сделайте свой выбор!

Кажется, Сева тогда что-то сказал мне вслед. Но я не слышал его. Я видел только перемены магического поля прямо перед собой.

Вот поле расступилось, и я оказался внутри Храма.

Снаружи ярко светило весеннее солнце, а здесь царил мягкий полумрак. Из высоких, украшенных цветными витражами окон блики света падали прямо на алтарь.

Откуда взялись окна, ведь в Храме нет стен?

Мысль промелькнула и исчезла. Я попытался рассмотреть изображение на витраже, но оно ускользало, сливалось в цветные пятна.

Я шагнул к алтарю. Он выглядел как огромная глыба гранита. Округлый камень, словно обкатанный за тысячелетия волнами неведомого моря.

Больше в храме ничего не было – только я и алтарь.

В ушах раздался нетерпеливый звон.

Я вытянул руку и положил ладонь на алтарь.

Ну, здравствуй, магия!

Голова мгновенно закружилась. Солнечные пятна замелькали перед глазами. Одно из них превратилось в крохотного золотого дракона с рубиновыми глазами. Дракон облетел вокруг алтаря, выдыхая крохотные язычки пламени. А потом доверчиво опустил на мою раскрытую ладонь.

Рубиновые глаза посмотрели прямо на меня. Их взгляд проник мне в самую душу.

Я не пытался закрыться, не пытался применить свои ментальные способности. Наоборот, открылся, насколько мог.

Магия всматривалась в меня. И прямо в эту секунду решала, какой путь мне предложить. Фигурка дракона дрогнула и стала менять очертания.

Меч?

Скипетр?

Молот или монета?

Неважно! Я никогда не мечтал о чем-то определенном. Просто хотел понять свой Путь и идти по нему.

Дракон с рубиновыми глазами исчез. Теперь на моей ладони лежал крохотный золотой фонарь.

Изящная, хрупкая вещица! Фонарь величиной с фалангу большого пальца был украшен тонкой резьбой, изображавшей неведомые символы. А внутри него, за ажурными решетками, горел рубиновый огонек.

Я очень хотел рассмотреть символы, запомнить их. Но не успел.

Снова раздался нетерпеливый мелодичный звон. Магия дала свою подсказку. Настала моя очередь решать. Принять Путь или отказаться от него?

Фонарь? Я никогда не слышал о таком Знаке. Что это за Путь, как по нему идти?

Но времени сомневаться не было. Да и не для того я пришел в Храм Путей, чтобы сомневаться. Я зажмурился и крепко сжал ладонь. А когда снова разжал ее – на ладони уже ничего не было.

Я принял свой Путь.

– Константин Стоцкий получил Знак и принял свой Путь, – торжественно произнес директор.

Опомнившись, я открыл глаза и увидел, как хрустальный шар на куполе Храма вспыхнул мягким белым сиянием.

Вот черт, надо же было так мгновенно провалиться в воспоминания!

Дед с улыбкой покосился на меня. Он понял, что со мной только что произошло, и одобчительно кивнул.

– Мы все это помним, Саша, – негромко сказал он. – Неважно, сколько лет прошло.

Выпускники, один за другим, входили в Храм. Получали Знаки и выходили счастливыми. Некоторые выглядели растерянными – магия предлагала им не тот Путь, на который они рассчитывали.

Но никто не отказался.

Вот очередь дошла до Юрия Горчакова. Он вошел в Храм, гордо подняв подбородок. Но я видел, как побелели костяшки его сжатых кулаков. Парень сильно волновался.

Зато вышел он из Храма с видом победителя. Со счастливой улыбкой вскинул руки над головой и почти побежал к отцу.

Николай Горчаков порывисто поднялся. Обнял сына, не скрывая гордости за него.

– Думаю, что Юрий получил Скипетр, – тихо сказал мне дед. – И теперь отец выхлопочет ему должность при дворе.

– Иван Горчаков, сделайте свой выбор! – сказал директор.

Мне показалось, что парень не услышал – настолько глубоко он погрузился в свои мысли.

Но вот Иван поднялся с мраморной скамьи и пошел к Храму. Голова его была опущена, он смотрел под ноги, как будто боялся споткнуться.

Серебристое сияние магического поля расступилось перед ним.

Мать Ивана, выпрямившись, глядела вслед сыну. Я снова увидел ее профиль. Губы женщины были крепко сжаты.

Мой дед обеими руками оперся на трость и тоже смотрел вслед Ивану.

– Даже если парню выпадет Монета, я что-нибудь придумаю, – тихо пробормотал он. – Такой Дар не должен пропасть.

Неожиданно я ощутил толчок в ребра. Мой Дар Тайновидца снова подал знак.

Что такое?

В небе над площадью раздался неприятный хруст. Словно треснуло огромное стекло, и осколки вот-вот полетят на булыжники брусчатки.

Хрустальный шар над золотым куполом Храма стремительно темнел. Вот он стал серым. Потом налился предгрозовой синевой и почернел окончательно.

Зрители на трибунах ахнули.

Все головы повернулись к Храму.

– Он потерял Дар, – потрясенно сказал дед.

Повернулся ко мне и повторил:

– Саша, он потерял Дар! Как такое могло случиться?

Мать Ивана вскочила с места.

– Нет! – пронзительно выкрикнула она. – Нет!

Ее надрывный крик остался незамеченным – почти все смотрели на Храм.

А я глядел на Юрия Горчакова.

На его лице играла злобная, торжествующая ухмылка.

Глава 5

Маг потерял дар.

Такое случалось, хоть и очень редко. И последствия могли быть ужасными.

Зрители на трибунах взволнованно перешептывались – они еще не полностью осознали случившееся. Лицейские служащие уже бежали к ступеням Храма. Директор застыл, сжимая в руке пергамент. Его пальцы безжалостно мяли свиток, но Илларион Богданович не замечал этого.

Прошла минута, другая...

А Иван Горчаков все не выходил из Храма Путей.

– Выведите его оттуда! – крикнула мать Ивана. – Пожалуйста!

Ее отчаянный крик перекрыл шум голосов и заставил магов замолчать.

Войти в Храм, пока Иван внутри? Это невозможно. Магия не впустит никого больше.

– Он потерял сознание, – хрипло сказал дед. – Или...

Не договорив, он растерянно посмотрел на меня.

И тут дар тайновидца снова коротко толкнул меня в ребра. Он словно требовал что-то сделать.

– Игорь Владимирович, вызовите целителей, – быстро сказал я. – Целителей из нашего госпиталя.

Я поднялся с места и, расталкивая зрителей, пробрался к ступеням. Спустился на плац и быстро пошел к Храму.

Я не дошел три шага, когда завеса магического поля дрогнула. Мое отражение в ней исказилось.

– Смотрите! – крикнул кто-то за моей спиной.

Сквозь зеркальную пелену протиснулась рука. Она беспомощно шарилась в воздухе, словно искала, за что ухватиться.

Иван! Он пытался выбраться!

Взбежав по ступеням Храма, я схватил Ивана за руку и потащил наружу. Несмотря на худобу, парень был очень тяжелым. Так что я перехватил его обеими руками, а ногами уперся в брусчатку плаца.

Давай, парень, давай!

Иван помогал мне, цепляясь второй рукой за гладкие камни.

Я оттащил его на пару шагов и перевернул на спину. Светлые глаза Ивана смотрели на меня.

– Что случилось? – спросил я его. – Что произошло в Храме?

– Не знаю, – с трудом ответил Иван. – Я подошел к алтарю. Положил руку... а потом...

Его шепот прервался, глаза закатились. Иван Горчаков потерял сознание.

Присев рядом, я тряхнул его за плечо.

– Иван!

Его голова безвольно качнулась из стороны в сторону.

К нам подбежал дежурный целитель.

– Ваше благородие, позвольте!

Я шагнул в сторону, чтобы не мешать ему, и целитель наклонился над Иваном. Положил одну ладонь на его бледный лоб, а вторую – на грудь.

– Вызовите мобиль! – крикнул он. – Его нужно срочно отвезти в госпиталь.

– Что с ним? – спросил я.

Целитель с сомнением взглянул на меня, но все же ответил:

– Магическое истощение. Больше я ничего не могу сказать. Да вы же и сами все видели.
– Мобиль из Воронцовского госпиталя уже едет, – сказал я, не сомневаясь, что дед выпол-

нил мою просьбу.

Целитель только кивнул, продолжая лечение. На его лбу выступили крупные капли пота. Наконец, он убрал ладонь со лба Горчакова и тяжело осел прямо на мостовую.

– Будет жить, – сказал он, закрывая глаза. – Но магический дар утрачен.

– Полностью? – не поверил я.

Целитель, не открывая глаз, покачал головой.

– Не знаю. Я просто дежурный лекарь.

К нам подбежали еще служители. Ивана подняли и положили на носилки.

– Несите его к воротам, – распорядился я. – Мобиль подъедет туда.

Мать Ивана прорвалась через служителей, которые обступили носилки. По лицу женщины текли слезы, она вцепилась в рукав целителя.

– Что с Ваней? Что с моим мальчиком?

– Он жив, – устало сказал целитель. – Больше я ничего не могу сказать.

– Мобиль из госпиталя уже у ворот, – вмешался дед.

Я и не заметил, когда он подошел к нам.

– Можно, я поеду с ним? – умоляющим голосом спросила Ирина. – Пожалуйста, я прошу вас!

– Конечно, – кивнул дед. – Я сейчас пошлю зов старшему целителю. Для Ивана готовят отдельную палату, вы сможете быть рядом с сыном.

Его голос звучал необычно мягко.

Служители понесли Ивана к воротам. Ирина пошла за ними.

Я окликнул ее:

– Постойте, Ирина Дмитриевна! Как Иван вел себя в последние дни? С ним не случилось ничего необычного?

Полозова растерянно оглянулась.

– Я не видела его целую неделю. Он... он все время проводил в лицее, даже ночевать оставался здесь. Готовился выбрать Путь.

Полозова едва сдерживала рыдания и близоруко прищурилась – слезы мешали ей видеть.

– Вы – молодой граф Воронцов? Тайновидец?

– Да, – кивнул я.

Ноги Полозовой подкосились. Она упала на колени, протягивая руки ко мне:

– Прошу вас, помогите Ване! Узнайте, кто ему навредил!

Я подхватил женщину под руки.

– Встаньте. Я выясню все, что возможно, обещаю вам.

К нам подбежал один из служителей. Вместе мы помогли Полозовой подняться.

– Поезжайте в госпиталь, – сказал я. – Я сообщу вам, как только что-то станет известно. Вот, возьмите!

Я протянул ей свой платок. Полозова взяла его и машинально принялась утирать слезы.

– Пожалуйста! – всхлипывая, бормотала она. – Ваша семья так добра к нам. Прошу вас, помогите.

– Сделаю все, что в моих силах, – ответил я.

И кивнул служителю:

– Помогите госпоже Полозовой добраться до мобиля.

Служитель повел несчастную женщину к мобилю, осторожно поддерживая ее под локоть.

Я удивился отсутствию князя Горчакова. С его сыном случилась беда, и князь это видел. Неужели его совсем не волнует судьба сына?

Я оглянулся и увидел, что Горчаков говорит о чем-то с директором лицея. Юрий стоял рядом с ними, но то и дело с подозрением косился в нашу сторону.

Почему он так обрадовался, когда с Иваном случилось несчастье? И не просто обрадовался. Юрий как будто ждал, что оно случится.

– Игорь Владимирович, отправьте зов старшему лекарю, – сказал я деду. – Я подозреваю, что на Ивана Горчакова оказали ментальное воздействие. Пусть проверит.

– Что?

Дед недоверчиво уставился на меня.

– Александр, ты думаешь, что в случившемся был чей-то злой умысел? Но как? Для такого воздействия нужна очень мощная магия. Кто бы осмелился, и зачем?

Я терпеливо вздохнул.

– Игорь Владимирович, вы хотите, чтобы я узнал, что случилось с Иваном?

Дед на секунду замолчал. Потом решительно кивнул:

– Да. Если произошло несчастье, то в нем есть и моя вина. А если нет... тогда я хочу знать, кто это сделал. Александр, я прошу тебя взяться за это дело.

– Хорошо, – согласился я. – Тогда отправьте зов старшему целителю и прикажите ему сотрудничать со мной. Это надо сделать прямо сейчас. Он не должен пускать к Ивану никого, кроме матери и меня. Если это будет необходимо, выставим у палаты охрану.

Пока дед разговаривал с целителем госпиталя, я покосился на Храм.

Он невозмутимо возвышался над лицейскими корпусами. Хрустальный шар над золотым куполом снова посветлел и стал прозрачным. Серебристое магическое поле мерцало между белыми колоннами. Тихо и мощно гудели магические накопители.

Как будто ничего не произошло.

К нам подошел директор лицея.

– Господа, я прошу вас вернуться на свои места. Искренне сожалею о случившемся и благодарю за помощь. Но церемония должна быть продолжена.

Интересно, как чувствуют себя оставшиеся выпускники?

Я взглянул в их сторону. На лицах одних застыла угрюмая решимость, другие смотрели на Храм с откровенным страхом, который безуспешно пытались скрыть.

А кто бы на их месте не испугался?

Потерять дар – иногда это ничем не лучше смерти.

– Скажите, Илларион Богданович, вы собираетесь проводить проверку? – спросил я директора.

Голенищев с недоуменным выражением на лице повернулся ко мне.

– Разумеется, – нетерпеливо сказал он. – Но какое отношение это имеет к вам? Подождите... Александр Васильевич Воронцов, выпускник прошлого года? Господин тайновидец?

– К вашим услугам, – слегка поклонился я.

– Не думаю, что ваша помощь нам понадобится, – нахмурился директор. – Как я уже сказал, произошло ужасное несчастье. Видимо, господин Горчаков переусердствовал, когда готовился к церемонии, и это сказалось на его здоровье. Возможно, служитель недосмотрел за дисциплиной.

– Это я оплатил учебу Ивана Горчакова в лицее, – вмешался дед. – И хочу присутствовать при проверке. Александр будет меня сопровождать.

Игорь Владимирович произнес это негромко, но так веско, что директору не оставалось ничего другого, кроме как согласиться.

– Хорошо, – кивнул он. – После завершения церемонии приглашаю вас ко мне в кабинет.

Церемония продолжилась. Директор зачитывал фамилии. Выпускники, один за другим, входили в Храм. Мягко вспыхивал хрустальный шар на золотом куполе. Над площадью Зримой Магии разносился мелодичный звон.

Маги получали Путь.

Все, кроме Ивана Горчакова.

Многие уезжали сразу после церемонии, забрав своих выпускников. По традиции после выпуска лицеисты отправлялись в какой-нибудь трактир и гуляли там до самого утра. Делились планами на взрослую жизнь, обменивались клятвами в вечной дружбе.

Так будет и сегодня, наверное. Даже случившееся с Иваном Горчаковым не омрачит выпуск остальным.

Трибуны почти опустели, никто не хотел задерживаться в лицее дольше необходимого. Но семейство Горчаковых не уехало. Я ожидал этого – наверняка, директор пригласил их в свой кабинет. Вот и возможность поговорить с Юрием.

Почему он так радовался?

Последний выпускник благополучно покинул Храм. Хрустальный шар больше не тускнел, никто не потерял магический дар.

Церемония Выбора Пути завершилась.

К нам подошел служитель. Почтительно поклонился и негромко произнес, обращаясь к деду:

– Господин директор приглашает вас в свой кабинет. Я буду сопровождать, если позволите.

Он повел нас к главному корпусу лицея. Помощь служителя не требовалась, я и сам отлично помнил дорогу. И обстановку в кабинете директора тоже запомнил – несколько раз Илларион Богданович отчитывал нас с Севой за самовольные отлучки, когда мы не успевали вовремя вернуться к началу занятий.

Кажется, это было так давно! Всего один год прошел, а как изменилась с тех пор наша жизнь.

– Прошу вас, господи!

Служитель с поклоном распахнул перед нами тяжелую дубовую дверь.

Горчаковы уже были в кабинете. Юрий сидел на черном кожаном диване, а князь Николай Андреевич расхаживал из угла в угол, размахивая руками:

– Какое отношение мой род имеет к этому делу? – сердито спросил он директора. – Да, Иван – мой незаконный сын. Но я был решительно против его учебы в лицее! И Путь ему не нужен – так я считал, и считаю до сих пор. Зачем ему Путь, он ведь даже не аристократ. Насколько я знаю, у Ивана были очень слабые способности. А теперь он лишился и их.

Директор, стоя возле стола, молча ждал, пока Горчаков выговорится.

– У Ивана был очень сильный дар целителя, – вместо директора ответил Игорь Владимирович.

Он остановился, опираясь на трость, и спокойно смотрел на метания Горчакова.

– А вот и вы! – остановившись, воскликнул Горчаков. – Это с вашей помощью Иван попал в неприятности. Сильный дар, говорите? А почему я ничего об этом не слышал?

Горчаков недоверчиво прищурился.

– Я говорил вам, – поспешно вставил Юрий, поднимаясь с дивана.

– Да? – удивился Горчаков. – Не помню.

– Дар был редкой силы, – кивнул Игорь Владимирович. – Я даже устроил Ивану практику в моем госпитале. И поверьте, по словам целителей он отлично справлялся.

– То-то и оно! – снова вспыхнул Горчаков. – Видимо, слабая кровь и большие нагрузки сказались на здоровье парня. Вот он и не выдержал.

– Вы обвиняете меня в том, что Иван потерял дар? – нахмурился Игорь Владимирович. В его голосе прозвучали стальные нотки, сильные пальцы сжались на набалдашнике трости.

– Я никого не обвиняю, – раздраженно ответил Горчаков. – Нам всем стоило быть осмотрительнее. Не возлагать чересчур больших надежд на полукровку. Зачем ему Путь? Он мог отлично работать фельдшером или лекарем, раз уж у него способности к медицине. Впрочем, я благодарю вас за то, что вы позаботились о моем... моем сыне. Как только он немного оправится, я заберу его из госпиталя и пристрою к делу. Разумеется, услуги целителей будут мною оплачены.

Эти слова князь произнес с заметным усилием.

– Благодарю вас, князь, но оплата не требуется, – ледяным тоном ответил Игорь Владимирович. – Иван пробудет в госпитале столько времени, сколько понадобится для его полного выздоровления. Это просьба его матери, и я не оставлю ее без внимания.

– Как хотите! – фыркнул Горчаков.

Меня удивило, с какой неприязнью Николай Андреевич относится к Ивану. Но вмешиваться в разговор я не спешил, просто наблюдал за Горчаковыми. Особенно меня интересовал Юрий.

Я чувствовал, что он напряжен, и очень сильно. А с чего бы? Ведь он получил Путь еще до происшествия с Иваном. Юрию ничего не угрожало.

Допустим, Юрий недолюбливал брата. Но тогда сейчас он должен скрывать радость. А никакой радости в нем я не чувствовал. Только растущую тревогу и напряжение.

А не подлить ли масла в тлеющий огонь?

Я прислушался к дару, но он молчал. Ладно, подождем.

Николай Андреевич повернулся к директору:

– И что вы теперь собираетесь делать?

– Допросить служителя, – ответил директор. – Последнюю неделю ваш сын провел под его присмотром. Я его уже вызвал.

– Имейте в виду, у меня очень мало времени, – поморщился князь. – И прошу вас, любезный Илларион Богданович, ни слова газетчикам! Вы ведь знаете, эти писаки из всего нороят сделать сенсацию.

– Разумеется, Николай Андреевич, – кивнул директор. – Но я не могу ручаться за остальных гостей церемонии.

– Это благородные люди, – с пафосом ответил князь. – Они не станут сплетничать.

Я усмехнулся про себя.

Еще как станут. Уже завтра по всем гостиным Столицы разнесется весть о том, что незаконнорожденный сын князя Горчакова потерял дар. Все станут выражать князю сочувствие, а ему и дела нет до судьбы сына.

– Ну, где этот ваш служитель? – нетерпеливо спросил Горчаков.

Словно отвечая на его вопрос, в дверь робко постучали. А затем в кабинет вошел Игнат.

– Вызывали, ваше высокоблагородие? – спросил он, останавливаясь на пороге.

Выходит, это Игнат прислуживал Ивану Горчакову? Что ж, тем лучше. Мне-то он расскажет все, без утайки.

– Проходите, – строго кивнул Игнату директор.

Игнат нерешительно подошел к столу.

– Расскажите, что Иван Горчаков делал в течение последней недели?

– Готовился, господин директор. Над учебниками сидел.

– Никуда не отлучался?

– Нет, что вы!

Игнат замотал головой.

– Сидел целыми вечерами. Случалось, и допоздна.

– А ночами?

Игнат промолчал, но я видел, как его взгляд испуганно метнулся в сторону.

Директор неожиданно ударил кулаком по столу – так, что тяжелое пресс-папье с грохотом подпрыгнуло.

– Отвечать! – рявкнул он.

– И ночами сидел, – не выдержал Игнат. – Я уж ему говорил, чтобы отдохнул. А он ни в какую. Способность надеялся взять, глаз не смыкал.

– Какую способность? – не выдержав, удивленно спросил я.

Директор бросил на меня грозный взгляд, но промолчал.

– Магическую, – не поднимая головы, пробубнил Игнат. – Возьму, говорит, Путь и способность открою. Хотел порадовать Игоря Владимировича. Что тот в него поверил, значит...

– Сколько он не спал? – отрывисто спросил директор. – Две ночи, три? Сколько?

– Неделю, – убитым голосом ответил Игнат. – Днем в госпитале пропадал, а ночами за книжками сидел. Говорил я ему...

– Так я и думал! – удовлетворенно заявил Николай Горчаков. – Неделю без сна – да какой дар это выдержит? Решил всех удивить, мальчишка! Способность взять!

Он круто повернулся к директору:

– Ваше счастье, что не я платил за его учебу. Я бы через суд взыскал с вас деньги! Но теперь пусть с вами разбирается его сиятельство граф Воронцов.

Он бросил насмешливый взгляд на деда.

– Ты уволен, – побагровев, прорычал директор Игнату. – Немедленно собирай свои вещи и выметайся за ворота! Чтобы через час духу твоего здесь не было. Вон!

Губы Игната затряслись. Ничего не отвечая, он повернулся к дверям и поплелся из кабинета.

– Игорь Владимирович, я на минуту! – шепнул я деду и вышел вслед за Игнатом.

Глава 6

– Игнат, постой!

Я напрасно спешил – старик и не собирался никуда уходить. Схватившись за сердце, он прислонился к стене возле кабинета директора. Губы Игната дрожали, наливаясь синевой.

Я подхватил его под руку.

– Ну, что ты, Игнат! Что ты, успокойся.

– Как же так, Александр Васильевич? – прошептал Игнат. – Я ведь двадцать лет здесь прослужил. За вами, мальчишками, приглядывал.

– Ты дыши, Игнат, дыши, – оглядываясь по сторонам, сказал я.

Неподалеку от двери кабинета стояла деревянная скамья без спинки. Сидя на ней, провинившиеся лицеисты ожидали вызова к директору. Скамья была до блеска отполирована форменными брюками.

И мне приходилось сидеть на ней в мучительном ожидании – сильно влетит, или пронесет на этот раз.

Я чуть ли не силой довел Игната до скамейки, усадил и сам сел рядом.

– Неужели Иван Николаевич из-за меня пострадал? – отчаянно глядя в пол, спросил старик.

– Нет, Игнат, – твердо ответил я. – Тут дело в чем-то другом. Говоришь, он способность хотел взять? Значит, был сильным целителем?

– Отменным, Александр Васильевич. Я как-то стакан уронил по глупости, кинулся осколки подбирать и руку поранил. Кровь рекой потекла, ладонь до кости рассадил. Так Иван Николаевич мне в ее в минуту залечил. Вот, смотрите!

Игнат протянул мне ладонь. Поперек ладони шел неровный белый шрам.

– И кулак сжимается.

Игнат сжал костлявый кулак, показывая, что мышцы и сухожилия работают.

– И шрам Иван Николаевич обещал убрать, попозже – как научится.

Для целителя, еще не получившего свой Путь, такое мастерство было удивительно.

– Да я и так похожу, со шрамом, – торопливо добавил Игнат. – Что мне сделается? Работает рука, и ладно.

– Больно было? – сочувственно спросил я.

– Больно, – кивнул Игнат. – А как Иван Николаевич лечить взялся, так боль вмиг прошла. Золотые руки у него, и дар сильный.

– Вот, видишь, – улыбнулся я. – Значит, не мог он себя до магического истощения довести. Целитель, в первую очередь, себя лечит. Это само собой получается. Организм сначала себя бережет, а потом на других силу дает.

– А как же тогда он дара лишился? Или магия отобрала? Я слышал, что такое бывает. Если большой талант у человека, его беречь надо. Чуть ошибся, и потерял.

Я покачал головой.

– Это все сказки, Игнат. А почему Горчаков потерял дар, я не знаю. Тут разбираться надо. Но ты точно ни в чем не виноват.

– Спасибо на добром слове, Александр Васильевич. Только что уж теперь? Господин директор меня уволил. Пойду вещи собирать.

– погоди.

Я чуть не силой усадил старика обратно на скамью.

– Расскажи, как получилось, что ты стал прислуживать Ивану?

– Это ваш дед меня попросил за ним присмотреть, – отводя взгляд, ответил Игнат. – Чтобы не случилось чего. А я вот не углядел.

– Не вини себя, – строго сказал я.

От сердца немного отлегло. Деда-то я сумею убедить, что Игнат ни при чем. А значит, служителя восстановят в лицее. Или Игорь Владимирович найдет ему дело. В общем, в беде не бросит.

– Ты ведь в лицее жил? – спросил я. – Найдешь, где переночевать?

– На вокзале переночую, – ответил Игнат. – А утром к себе, в деревню поеду. На службу меня теперь никто не возьмет, без рекомендаций-то. А там как-нибудь устроюсь.

А вот это уже никуда не годилось. Я был уверен, что рано или поздно директор лицея одумается и поймет, что Игнат ни в чем не виноват. Но где потом искать старика?

– Не вздумай никуда уезжать, – строго сказал я Игнату. – Ты мне нужен. Вечером приходи ко мне. Знаешь, где я живу?

Не дожидаясь ответа, я назвал Игнату адрес и заставил трижды повторить, пока не убедился, что он запомнил.

– Как придешь к калитке, пошли мне зов, и я тебя впущу. Расскажешь мне все про Ивана. Как он жил в лицее, как учился, с кем общался.

– Так ни с кем он не общался, – ответил Игнат. – Ребята его сторонились, он ведь незаконный сын-то. Брат только заходил, Юрий Николаевич.

– Вот как? – удивился я.

По поведению Юрия я бы не сказал, что он дружелюбно относился к брату.

– И часто заходил?

– Да последнюю неделю, почитай, каждый день. Тоже все уговаривал Ивана Николаевича поменьше за книжками сидеть.

Удивительная забота!

– Ладно, вечером у нас будет время, – кивнул я. – Учти, спрашивать буду подробно. Адрес запомнил? Повтори еще раз.

– Запомнил, Александр Васильевич.

Игнат смущенно посмотрел мне в лицо.

– Спасибо вам.

– Брось, – улыбнулся я. – Сам же говорил, что жизнь по-разному поворачивается, помнишь? Ну, иди. Вечером жду.

Убедившись, что Игнат немного пришел в себя и твердо держится на ногах, я вернулся в кабинет директора. И вовремя – князь Горчаков уже собирался уходить.

– Я считаю, что напрасно вы затеяли следствие, Игорь Владимирович, – напыщенно говорил он деду. – Все предельно ясно. Иван переутомился, пытаясь преуспеть в учебе, а служитель недоглядел. Прискорбный случай, но другого нельзя было ожидать.

– Я так не думаю, – негромко сказал я.

– Что?

Николай Андреевич Горчаков удивленно повернулся ко мне. Директор лицея тоже вопросительно поднял брови.

– Пока это всего лишь догадки, – объяснил я. – Но есть вероятность, что Ивана лишили дара намеренно.

– Вы соображаете, что говорите, молодой человек? – нервно спросил Горчаков. – Кто мог это сделать, и зачем?

– Например, высокоранговый менталист, – ответил я. – А зачем... Это еще предстоит выяснить. Но целитель в госпитале непременно осмотрит Ивана и проверит, применялось ли к нему ментальное воздействие. Если факт воздействия будет установлен, я сообщу об этом в Тайную службу.

– А если нет? – прищурился Горчаков.

– Тогда буду разбираться дальше, – ответил я.

И физически ощутил волну острой тревоги, которая охватила Юрия Горчакова.

– Менталист высокого ранга? – недоверчиво переспросил директор. – Откуда он в лицее? Да во всей Столице маги такого уровня наперечет.

– Тем проще будет его найти, – усмехнулся я.

– Но зачем менталисту так рисковать? – настойчиво спросил Горчаков. – Зачем нарушать закон? Ради чего?

Я пожал плечами.

– Кто знает. Его могли уговорить, ему могли заплатить. А может быть, Иван тут вообще ни при чем. Следующей целью можете оказаться вы.

Я бил наугад, стараясь окончательно вывести из равновесия Юрия Горчакова. Если он не причастен к потере дара, то и бояться ему нечего. А если замешан в преступлении, то с перепугу может натворить глупостей.

– Почему я?

От удивления у князя Горчакова отвисла челюсть, и выглядел он глуповато.

– Вы с Иваном – кровные родственники, – объяснил я. – Но он моложе и слабее вас. Возможно, преступник решил сначала потренироваться на Иване. Рассчитывал, что никто не станет поднимать шум из-за бастарда.

– Как вы смеете? – машинально спросил князь.

– Я не хотел вас обидеть, Николай Андреевич, – серьезно кивнул я. – Но думаю, вы больше всех заинтересованы в том, чтобы дело прояснилось. Подумайте и о вашем наследнике. Юрий Николаевич тоже может быть под ударом.

Я в упор посмотрел на Юрия Горчакова. Он ответил мне ненавидящим взглядом.

– Я никого не боюсь! – с вызовом заявил он. – Все это звучит как бред. Идем, отец!

Но князь Горчаков не слышал сына. Его взгляд лихорадочно бегал по сторонам, словно князь прямо сейчас решал, кому из менталистов он мог перейти дорогу.

– Поезжайте домой, ваше сиятельство, – посоветовал я князю. – Думаю, к завтрашнему утру что-то прояснится. И я приеду к вам – или с новыми вопросами, или с извинениями. Вы сможете меня принять?

– Я? – рассеянно переспросил князь. – Да, конечно. Извините, господа, я должен идти.

С этими словами князь Горчаков стремительно покинул кабинет директора лицея. Юрий поспешил за ним.

– Извольте объясниться, Александр Васильевич, – сухо потребовал директор лицея. – Что за представление вы здесь устроили?

Я пожал плечами.

– Всего лишь высказал версию. Илларион Богданович, вы можете показать мне табель Ивана Горчакова?

– Зачем?

– Вы много лет руководите лицеем. И лучше меня знаете, что хороший целитель может навредить себе только в одном случае – спасая жизнь пациента. Иван Горчаков не мог не распознать у себя признаки магического истощения. Ведь он был хорошим целителем?

– Хорошим, – неохотно признал директор. – Мне и табель не нужен, чтобы сказать вам, что Иван отлично успевал по всем предметам. Но он молод и неопытен! Он мог волноваться перед церемонией Выбора Пути. Да еще это нелепое стремление получить способность. Если, конечно, слугитель не соврал, чтобы выгородить себя.

– А зачем ему это? – поинтересовался я.

– Молодой человек, – снисходительно улыбнулся директор. – Сколько раз вы сами являлись на занятия прямиком из трактира? Я припоминаю, что Игнат и вам прислуживал. Сколько раз он вас выгораживал? Ну, то-то же!

Выместив недовольство на Игнате и избавившись от князя Горчакова, Илларион Богданович окончательно овладел собой.

– Игорь Владимирович, – обратился он к деду. – Я понимаю, что у вас есть справедливые претензии к нашему лицу. Убедительно прошу вас сначала обсудить их со мной.

– У меня нет никаких претензий, – неожиданно для директора ответил дед. – Мой внук сказал, что ваш служитель ни в чем не виноват. Я придерживаюсь такого же мнения.

Директор с облегчением выдохнул и поднялся из-за стола.

– Что ж, в таком случае, позвольте еще раз принести вам мои извинения. Не смею вас задерживать, господа!

К воротам лица мы шли через плац. Трибуны перед Храмом уже опустели, но сам Храм по-прежнему возвышался над зелеными кронами деревьев. Придет ночь, магические накопители постепенно отдадут накопленную энергию, и прекрасное здание растает в темноте. До следующей весны, до следующего лицейского выпуска.

Дед задумчиво постукивал тростью по брусчатке и молчал.

Мы вышли за ворота. На пустой стоянке остался только мобиль деда – темно-вишневый, с большими колесами и серебряной фигуркой ворона на капоте.

– Пообедаешь со мной, Саша? – спросил Игорь Владимирович. – Или сегодняшнее происшествие отбило тебе аппетит?

– С удовольствием пообедаю, – согласился я, усаживаясь в мобиль.

Дед бросил свою трость на заднее сиденье и сел за руль.

– Ты догнал Игната? – спросил он.

– Догнал. Учтите, Игорь Владимирович, Игнат ни в чем не виноват.

– Да знаю я, знаю, – вздохнул дед.

И повернулся ко мне:

– Это я во всем виноват, Саша. Один я, больше никто.

– Объясните? – удивился я.

– Да что там объяснять. Это я торопил Ивана развивать дар. Не напрямую торопил, конечно. Но рисовал парню перспективы. Обещал устроить его в наш госпиталь целителем, потому и на практику туда определил. А надо было его сдерживать, не позволять спешить. Старый дурак я, вот что!

Дед сказал это с искренней горечью.

– А почему вы его торопили? – спросил я. – Была какая-то причина?

– Да не было никакой причины. Ты же знаешь, как я загораюсь, когда вижу в человеке талант.

Это была чистая правда. Дед и мой дар вот так же разглядел в свое время. И не позволил отцу лишиться меня Пути.

Несмотря на возраст, в душе дед умудрился остаться нетерпеливым юнцом. И даже мудрость не лишила его это качества.

– То, что ты сказал про менталиста, может быть правдой? – спросил дед.

– Не знаю, – усмехнулся я. – Честно говоря, я просто хотел напугать князя Горчакова, чтобы он не мешал мне расследовать дело.

– И тебе это удалось, – рассмеялся дед. – Он выскочил из кабинета как ошпаренный. Думаю, князь сегодня же удвоит охрану вокруг своего дома.

– Я пригласил Игната вечером зайти ко мне, – сказал я. – Хочу подробно расспросить его про Ивана.

– Это правильно, – кивнул дед. – Спасибо, Саша. Ты скажи ему, чтобы потом пришел ко мне. Я его не оставляю, не сомневайся.

– Игорь Владимирович, скажите честно, – спросил я. – Это ведь вы приставили Игната ко мне, когда я учился в лицее?

– С чего ты взял? – возмутился дед.

Но, покосившись на меня, улыбнулся:

– Ладно, твоя взяла. Давно догадался?

– Догадался давно, а удостоверился сегодня.

– Я волновался за тебя, Саша. Очень хотел, чтобы ты окончил лицей. Поверь, Игнат ни о чем мне не рассказывал, да я его и не просил. Он всего лишь заботился о тебе.

– Я знаю, – улыбнулся я. – Иначе вы давно устроили бы мне выволочку.

– А было за что? – удивился дед, трогая мобиль с места.

– Конечно.

Широкие колеса мягко шуршали по мостовой. Я откинулся на мягкое сиденье, наблюдая я пролетающими мимо разноцветными домами.

– Так что там с графом Толубеевым? – вспомнил дед.

– Вы не поверите, – улыбнулся я. – Владелец Уральского банка собирался надуть графа при помощи древнего артефакта. Я разоблачил пройдоху, и граф Толубеев в благодарность подарил мне скакового жеребца.

– Так это банкир украл деньги?

– Не то, чтобы украл, но...

Я в подробностях пересказал Игорю Владимировичу всю историю с деньгами графа.

– Кстати, банкир обманул не только графа Толубеева, – предупредил я. – Так что, банк и все имущество будут конфискованы казначейством. Надеюсь, вы не хранили в Уральском банке наши знаменитые родовые капиталы?

– Я что, похож на сумасшедшего? – возмутился дед. – Наши капиталы я храню только в Имперском банке. А что за жеребца подарил тебе граф? Ты его видел?

– Не успел, – рассеянно ответил я, засмотревшись на Неву.

Мы как раз пересекали ее по Биржевому мосту, и ослепительное солнце дробилось в серой воде.

– Кажется, жеребца зовут Мальчик, – добавил я. – Граф обещал выставить его на скачки от моего имени и честно поделить призовыми. Так что теперь я стану завсегдатаем ипподрома.

– Мальчик?

Игорь Владимирович затормозил так резко, что я чуть не вылетел через ветровое стекло.

– Если вы решили избавиться от своего младшего внука, – укоризненно сказал я, – то могли бы выбрать более приятный способ.

– Не говори ерунды, – нетерпеливо отмахнулся дед. – Мальчик, надо же! Это лучший жеребец графа Толубеева. Неужели граф решился расстаться с ним?

– Вообще-то, я спас графа от разорения, – скромно заметил я. – И сохранил ему родовой особняк. Так что подобная благодарность вполне понятна.

– Это он мне назло, – неожиданно сказал дед. – Я столько раз уговаривал его продать Мальчика, но Толубеев отказывался наотрез. А ведь я ему огромные деньги предлагал. А тебе взял, и подарил.

Игорь Владимирович возмущался очень натурально. Но я уловил довольные нотки в его голосе.

– А ведь вы надеялись, что так оно и случится, – улыбнулся я. – Потому и попросили меня заняться делом графа.

– И в мыслях не было! —заявил дед.

– Ладно, – примирительно сказал я. – В любом случае, знаменитый жеребец теперь будет принадлежать нашему роду. Кстати, надо бы съездить в Сосновку, посмотреть на него.

– Съездим вместе, – предложил дед.

– Запросто, – улыбнулся я.

И с недоумением закрутил головой по сторонам.

– А куда мы едем?

– Обедать, – напомнил Игорь Владимирович.

– Это я помню. Но куда именно?

Мобиль как раз съезжал с Дворцового моста, оставляя по левую руку Императорский дворец.

– Э, нет, – запротестовал я. – Так не пойдет! Я знаю, куда вы меня везете. Игорь Владимирович, немедленно остановите мобиль! В этот дом я не войду, даже под страхом смертной казни.

– Александр, я прошу тебя, – мягко сказал дед, ничуть не рассердившись на мой возмущенный тон. – Всего один обед. Так нужно.

– В интересах рода? – криво усмехнулся я.

– В интересах рода, – твердо ответил дед.

– Хорошо, – согласился я. – Но разнимать нас вы будете сами.

Мобиль свернул с Главного проспекта на набережную Мойки и остановился возле широких ворот. За воротами, в аккуратно подстриженном парке возвышался малахитовый дворец – с фонтанами и статуями, с позолоченными капителями колонн.

– Вот из того окна я выпрыгнул, когда сбегал отсюда, – мрачно сказал я деду, показывая на высокое окно третьего этажа.

В этом дворце я родился и вырос. И жил до тех пор, пока не перебрался в спальный корпус Императорского лица.

Глава 7

Двое слуг в кроваво-красных ливреях и черных перчатках торжественно распахнули перед нашим мобилем высокие ворота.

Точнее, ворота открылись при помощи магии. Но слуги присутствовали с важным видом.

Так полагалось по этикету. А этикет – это важно, и точка.

Во всяком случае, так считал мой отец.

– Игорь Владимирович, вы хотя бы предупредили отца, что мы заглянем на обед? – спросил я, рассеянно оглядывая парк.

– Это была его идея, – ответил дед. – Твой отец хочет обсудить важный вопрос, который касается всего рода.

– Меня он на обсуждение не приглашал, – заметил я.

– Тебя пригласил я, – веско отмел мои возражения дед, выбираясь из мобиля. – Я считаю, что дела рода надо обсуждать вместе. Кроме того, ты немало потрудился, чтобы отгородиться ментальным блоком от родного отца. Так что он не смог бы прислать тебе зов при всем желании.

– Да, – коротко признал я.

А о чем тут спорить? Я не видел смысла в общении с отцом. Но раз уж приехал – поздно возражать.

– Саша, я прошу тебя об одолжении, – сменил тон Игорь Владимирович. – Знаю, чего тебе стоит приехать сюда, и ценю это. Ты знаешь, как меня беспокоят разногласия внутри рода.

– Запрещенный прием, – улыбнулся я. – Но вы правы. Постараюсь вести себя хорошо. Надеюсь, обед не затянется.

Один из слуг немедленно уселся за руль и погнал мобиль в гараж. Оставлять его перед крыльцом здесь было не принято.

Я шагал вслед за дедом по центральной дорожке парка, крутя головой направо и налево, и все больше удивляясь.

И было, отчего. На моей памяти парк выглядел довольно уродливо. Идеально проложенные дорожки абсолютно одинаковой ширины, подрезанные как по линейке кусты... Деревья были посажены симметрично, и казались совершенно одинаковыми – если хоть одно дерево начинало расти, как ему вздумается, его безжалостно выкорчевывали и заменяли другим.

А теперь парк совершенно изменился. В нем появились клумбы – и не круглые или овальные, а произвольной формы. И цветы на них росли беспорядочно – где густо, где пусто.

Черт, они даже цвели в разное время, а уж это совсем не лезло ни в какие ворота. И бабочки порхали свободно, а не взмывали в небо красивыми ровными стаями.

Деревья тоже чувствовали себя вольготно. Я заметил густую ель, мохнатые лапы которой торчали во все стороны. Вот липа с дуплом чуть выше моего роста. В него так и тянуло запустить руку – вдруг там найдется что-то интересное.

Дуплистое дерево в отцовском парке? И вокруг него не суетится армия садовников, вооруженная топорами и пилами?

Но еще год назад этой липы не было и в помине, я точно это знал. Значит, дерево не только посадили, но и заботливо вырастили при помощи природной магии. И дупло появилось не случайно – так и было задумано неведомым садовником.

Я не верил своим глазам.

А это что такое?

Я в изумлении уставился на густой куст можжевельника, подстриженный в виде женской фигуры.

Сглазили моего родителя, что ли?

Впрочем, в доме мало что изменилось. Сверкала начищенная бронза, сияли хрустальные люстры, на ковровых дорожках – ни пылинки. Мраморные статуи воинов в просторном холле холодно взирали на нас глазами без зрачков. Рядом с ними замер дворецкий, ничем не отличимый от статуи, кроме костюма.

Но и тут меня поджидала загадка.

На мускулистой мраморной руке древнего военачальника висел кружевной женский зонтик. словно прославленный полководец не готовился к битве, а провожал на пикник подружку. А меч и щит ему нужны исключительно для того, чтобы было, чем порезать и на чем разложить еду.

Служанка в крахмальном переднике испуганной тенью метнулась к воину, схватила зонтик и скрылась с ним в бесконечной путанице комнат.

Я сделал вид, что ничего не заметил.

Отец встретил нас на лестнице и честно попытался скрыть удивление при виде меня. Получилось не очень убедительно.

– Александр?

Он бросил короткий взгляд на деда. Потом снова взглянул на меня и на этот раз осмотрел с головы до ног.

– Выглядишь очень... достойно. Хороший костюм.

– Благодарю, – улыбнулся я.

Мне было отлично известно, каких усилий стоил отцу даже такой комплимент. Кроме того, я видел, что он растерян, и никак не может собраться с мыслями.

– Я не ждал тебя, – наконец, сказал он. – Но рад твоему приезду.

Не верю, подумал я.

Но сделал вид, что поверил. Обещал же деду вести себя хорошо.

– Что ж, прошу к столу.

Обозначая вежливое приглашение, отец чуть наклонил подбородок.

Он пропустил деда вперед, выказав уважение к патриарху рода. Сам пошел следом, а мне предоставил замыкать процессию.

Поднимаясь по роскошной мраморной лестнице вслед за отцом, я видел, как напряжена его спина, как нарочито высоко он держит голову, как печатает шаг.

Нет, усмехнулся я, он так и не примирился с судьбой.

Он был младшим сыном. И ни при каких условиях не мог претендовать на место наследника рода Воронцовых.

Старший брат отца, Сергей Игоревич Воронцов – вот кто станет следующим патриархом.

Или его сын – Ярослав, мой двоюродный брат.

Или сын Ярослава, когда он родится.

Титул патриарха всегда наследует старшая ветвь рода. А мы – младшая.

И с этим ничего не поделать.

Для отца такое положение всегда было невыносимо. Сначала он выбрал армейскую службу. Военная карьера не сложилась, и отец вышел в отставку в чине майора. После смерти моей мамы он с разрешения деда стал управлять имуществом рода. И управлял превосходно. словно всегда пытался доказать, что роду без него не обойтись.

Он и был незаменим, дед не раз говорил об этом. Только это ничего не меняло.

А отец никак не хотел принять очевидное.

Он с армейской прямоотой настаивал, чтобы я повременил с выбором Пути. Заранее назначил меня своим будущим помощником. И не желал слушать возражений.

Какая еще магия? Интересы рода важнее.

Из-за этого наши отношения испортились настолько, что в последний год учебы я предпочел переехать из родного дома в спальный корпус лицея. Переехал? Да я просто выпрыгнул из окна комнаты, в которой он меня запер. Сева Пожарский сумел смастерить простенький артефакт Воздуха и забросил его через ограду в парк. Только поэтому я не переломал себе ноги. А потом мы удировали на случайном извозчике от мобилия отцовской охраны.

Весело было!

Сбежав из дома, я получил главное сокровище – свободу.

На мне не лежал груз будущей ответственности за род. Я мог сам выбирать свою судьбу.

Думаю, потому судьба и сделала мне роскошный подарок – Путь Тайновидца.

Узнав о этом, отец настолько растерялся, что сделал вид, будто ничего особенного не произошло. И даже пригрозил лишить меня наследства, если я откажусь ему помогать.

Я не расстроился и стал подыскивать себе квартиру. Кое-какие деньги у меня были – заработал во время летней практики. Я был уверен, что с уникальным даром не пропаду. Так оно и вышло, к слову говоря.

Но сначала дед опять пришел на помощь. Под его нажимом отец отдал мне небольшой старый особняк на Каменном острове – часть приданого моей матери. И перевел на мой счет деньги, которые она мне завещала.

А ведь я даже ничего не знал об этом.

– Пусть Александр сам выбирает свою дорогу, – сказал дед. – Но он – граф Воронцов. И не будет жить на съемной квартире.

Отец нехотя отступил. Ненадолго – не прошло и месяца, как он снова попытался влезть в мою жизнь со своими правилами. Тогда я окончательно плюнул на приличия и поставил ментальный блок, через который он не мог пробиться, как ни старался.

Очередная пара слуг распахнула перед нами двери столовой. Стол уже был накрыт – на троих.

– Я ждал вас раньше, – сообщил отец.

Даже в этой безобидной фразе был намек. Мы опоздали, нарушили распорядок дома.

– На церемонии случилась большая неприятность, – сказал дед. – Иван Горчаков неожиданно потерял дар.

– Вот как? У вас, кажется, были на него планы? Печально.

Отец сказал это рассеянно, без всякого огорчения. Тут же добавил:

– Я оставляю вас на минуту.

И вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Дед недоуменно оглянулся, он тоже заметил, что с отцом происходит что-то неладное.

А я все понял, и мне стало весело.

У отца появилась женщина. И не просто очередная любовница, что совершенно нормально для мужчины его возраста и положения.

Нет, с этой женщиной у него все серьезно. Возможно даже, отец собрался жениться, о чем и хотел поговорить с дедом.

Если двадцать минут назад я сильнее всего хотел развернуться и уйти, то теперь так же сильно хотел остаться. Нет, теперь меня отсюда и палкой не выгонишь!

Вот почему стол был накрыт на троих, хотя меня отец явно не ждал.

– Игорь Владимирович, вы не предупредили отца, что я приеду вместе с вами? – улыбнулся я.

– Нет, – ответил дед, обходя стол. – Я решил устроить сюрприз.

– У вас получилось, – сказал я, едва сдерживая смех.

Еще бы улыбку спрятать, а то физиономия слишком довольная.

– А ты с чего это так развеселился? – нахмурился дед.

Я пожал плечами.

– Да, так. Родной дом, все-таки. Воспоминания нахлынули.

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкнул дед, останавливаясь перед окном, из которого открывался вид на Неву.

Но тут вернулся отец – расстроенный и успокоившийся одновременно. Видно, переговорил с таинственной дамой и убедил ее, что разговор с патриархом лучше отложить до более удобного случая.

– Прошу к столу, – кивнул он.

Слуги, повинаясь его зову, вкатили сервировочные столики и принялись подавать обед.

– Так о чем ты хотел поговорить, Василий? – спросил дед, принимаясь за теплый салат из баклажанов с помидорами и рукколой.

Кстати, очень вкусный салат получился, совершенно домашний!

Баклажаны были обжарены идеально – они стали мягкими, но не расплзлись, поджаренная корочка приятно хрустывала на зубах. Прежде в этом доме такой вкусной еды не водилось.

Я с удовольствием уплетал салат, и с любопытством ждал, как отец будет выкручиваться.

Отец не выдумал ничего оригинального. Он завел долгий и скучный разговор о нашей мастерской мобилей. По словам отца, где-то там не сходилась отчетность, и теперь следовало ее перепроверить, а заодно уволить бухгалтера.

Дед удивленно поднял брови.

– Я полностью доверяю тебе в этих вопросах, Василий, – мягко сказал он.

Что в переводе на человеческий язык означало – перестань донимать меня ерундой.

Патриарх отлично умел разделять сферы влияния внутри рода и считал, что каждый должен заниматься своим делом. В этом умении ему не было равных.

Кто-то считает доходы и расходы, а кто-то обкатывает новые модели мобилей и придумывает гениальные идеи.

Себе дед по праву старшего оставил самое интересное, и я отлично его понимал. Какая радость становиться патриархом, чтобы целыми днями проверять финансовые отчеты?

После закусок слуги торжественно водрузили на стол огромную супницу и серебряным половником разлили по тарелкам изумительный борщ. Огненно-красный, сваренный на мозговой косточке. К борщу прилагалась густая сметана, гренки из поджаренного белого хлеба с маслом и чесноком и тонкие ломтики холодного розового сала.

Ну, и соответствующие напитки.

Борщ в доме отца!

Я скорее ожидал, что нас угостят каким-нибудь протертым овощным супом – красивым, полезным и абсолютно невкусным.

Дед тоже удивился – он-то отлично знал своего младшего сына.

– Борщ, надо же! – обрадовался он. – Василий, ты нанял новую кухарку?

Отец побагровел не хуже борща, а я от смеха чуть не подавился супом. Уставился в тарелку, помешивая серебряной ложкой сметану и сделал вид, что полностью сосредоточен на еде.

Отменный борщ – наваристый, свекольную сладость отлично оттеняла кислинка лимона и острота жгучего перца.

– Да, – наконец, выдавил отец. – У меня в доме кое-что изменилось.

– Давно пора, – одобрительно кивнул дед.

И разлил всем из хрустального запотевшего графина.

– Надо нам почаще собираться в семейном кругу, – сказал он. – У тебя стало очень уютно Василий. Я рад, что ты нас пригласил.

Отец скомканно поблагодарил и вернул разговор к спасительной финансовой отчетности. А во мне совершенно неожиданно сработала моя новая способность.

Я кожей чувствовал чье-то напряженное внимание. Тревогу, перемешанную с любопытством.

Кто-то подслушивал нашу застольную беседу, и старался не упустить ни слова.

Я читал эмоции этого человека так ясно, словно он стоял рядом со мной. А может, так оно и есть?

Делая вид, что увлечен супом, я незаметно оглядел столовую, останавливая взгляд на каждом из слуг.

Нет, их заботил только порядок блюд и безупречность сервировки. Я не мог читать их мысли, понимал только эмоции. Но и они говорили многое.

Тогда я присмотрелся к теням в углах зала – не в них ли скрывается невидимый слушатель?

Ничего. Ни цветных бликов, ни подозрительного движения, ни всплеска магического фона, которые могли бы выдать сильного теневика.

Чужое внимание снова коснулось моей левой щеки. Чем-то оно напоминало щекотку. И я понял, что человек находится за стеной, в соседней комнате.

Ну, конечно, как я мог забыть!

На стене столовой висела картина в тяжелой раме. Она изображала битву при Всеславле, в которой армия императора наголову разбила войска мятежников.

Мне эта картина всегда казалась чересчур пафосной, но мой художественный вкус вряд ли можно считать эталоном.

Гораздо важнее было то, что картина висела над камином. Труба камина проходила внутри стены, и с обратной стороны в ней была маленькая железная дверца, предназначенная для прочистки дымохода.

Если открыть эту дверцу и внимательно прислушаться – можно было услышать все, о чем говорили в столовой.

Я обнаружил это давным-давно, когда из детского любопытства совал нос в каждый уголок огромного дома. И часто подслушивал взрослые разговоры, стараясь, чтобы меня не заметили слуги.

Прямо сейчас кто-то стоял возле приоткрытой дверцы и внимательно слушал, о чем мы говорим. И не просто слушал, а очень переживал. Эмоции так и пробивались сквозь стену.

Не нужно было обладать особыми способностями, чтобы догадаться, кто это. Та самая женщина, из-за которой отец и пригласил деда.

Я, не торопясь, доел борщ. Отложил в сторону ложку, вытер пальцы салфеткой и поднялся из-за стола.

Отец прервал разговор и недовольно взглянул на меня – выходить из столовой до окончания обеда не полагалось.

– Прошу прощения, – улыбнулся я. – Мне необходимо выйти, так что я оставляю вас ненадолго. Все равно в финансах я ничего не смыслю.

Во взгляде отца я прочел все, что он думал о моих манерах. Мало того, что своим неожиданным появлением я спутал ему все планы. Так еще и за столом не могу усидеть спокойно!

– Вижу, что хорошие манеры тебе в лицо так и не привили, – колко сказал он. – Или ты благополучно забыл о них сразу после выпуска. Твое легкомысленное отношение к финансам меня совершенно не удивляет.

Я с примирительной улыбкой пожал плечами:

– Что поделать, нет в мире совершенства. Я скоро вернусь, не скучайте.

Пропустив слугу с подносом (что вызвало еще один неодобрительный взгляд отца), я вышел из столовой и плотно прикрыл за собой дверь. Дождался, пока слуга исчезнет за пово-

ротом длинного коридора, и неторопливо пошел следом. Мягкая ковровая дорожка отлично скрывала звук моих шагов, да и ступал я осторожно.

Остановившись возле нужной двери, я прислушался. Потом изобразил приветливую улыбку и осторожно повернул дверную ручку.

Дверь открылась совершенно бесшумно. Но приоткрыв к открытой дверце женщина все же что-то почувствовала. Наверное, сквозняк из коридора.

Она испуганно отпрянула от стены и быстро повернулась ко мне.

– Прошу прощения, сударыня, – вежливо сказал я. – Я не собирался вас напугать. Всего лишь хотел поблагодарить за чудесный обед.

Глава 8

Девушка испуганно смотрела на меня. Она оказалась моложе, чем я думал. Пожалуй, старше меня, но не намного.

Ее темные выющиеся волосы были уложены в высокую прическу, открывающую небольшие уши. Карие глаза светились испугом и любопытством.

Она молчала, глядя на меня.

– Интересно? – с улыбкой спросил я, кивком указывая на приоткрытую дверцу дымохода. Девушка стремительно покраснела до кончиков ушей.

– Я не подслушивала! – запротестовала она.

И сбивчиво добавила:

– Совсем немножко.

– Я тоже любил в детстве слушать разговоры взрослых, – дружелюбно сказал я.

– Вы сын Василия Игоревича? – спросила она. – Молодой граф Александр Воронцов?

– Ага, – улыбнулся я. – Самый молодой из всех Воронцовых. Пока, по крайней мере.

Девушка снова умолкла, глядя на меня. Раздумывала, чем ей грозит мое неожиданное появление. Даже губу закусил от напряженных раздумий. Кстати, зубы у нее были белые и ровные.

– А как ваше имя? – спросил я.

– Анна, – машинально ответила она.

И тут же спохватилась:

– А можно, я пока не буду называть свою фамилию?

– Можно, – улыбнулся я. – Это вы преобразили наш парк?

– Вам не нравится? – настороженно спросила девушка.

– Наоборот, очень нравится. Наконец-то, он стал похож на приятное место отдыха, а не на воинский плац.

– Воинский плац? – девушка невольно хихикнула. – Точное сравнение. Все деревья стояли, словно на параде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.